

ЛЮ ЦЫСИНЫ

刘慈欣

三体

ЗАДАЧА
ТРЕХ
ТЕЛ

FANZON

В память о прошлом Земли

Лю Цысинь

Задача трех тел

«ЭКСМО»

2006

УДК 821.581.312.9(510)
ББК 84(5Кит)-44

Цысинь Л.

Задача трех тел / Л. Цысинь — «Эксмо», 2006 — (В память о прошлом Земли)

ISBN 978-5-04-089112-2

Они придут, и Земля вновь станет гармоничным и процветающим миром... В те времена, когда Китай переживал последствия жестокой «культурной революции», в ходе секретного военного проекта в космос были посланы сигналы, чтобы установить контакт с инопланетным разумом. Один из сигналов подхватила цивилизация, находящаяся на краю гибели, и теперь пришельцы готовятся вторгнуться на Землю. Узнав об этом, люди разделились на тех, кто готов отдать наш порочный мир под управление высшего разума, и тех, кто до последнего будет бороться против этого вторжения. Блестящий научно-фантастический роман «Задача трех тел» из цикла «Воспоминания о прошлом Земли» самого популярного китайского писателя Лю Цысиня обрел широкое мировое признание и стал первой переводной книгой, номинированной на самые престижные литературные премии в области фантастики: «Хьюго», «Небьюлу», «Локус», «Прометей» и другие. По циклу снят сериал китайского производства «Задача трех тел», а также готовится экранизация от Netflix. Подробный гид по творчеству Лю Цысиня читайте в ЛитРес: Журнале

УДК 821.581.312.9(510)

ББК 84(5Кит)-44

ISBN 978-5-04-089112-2

© Цысинь Л., 2006

© Эксмо, 2006

Содержание

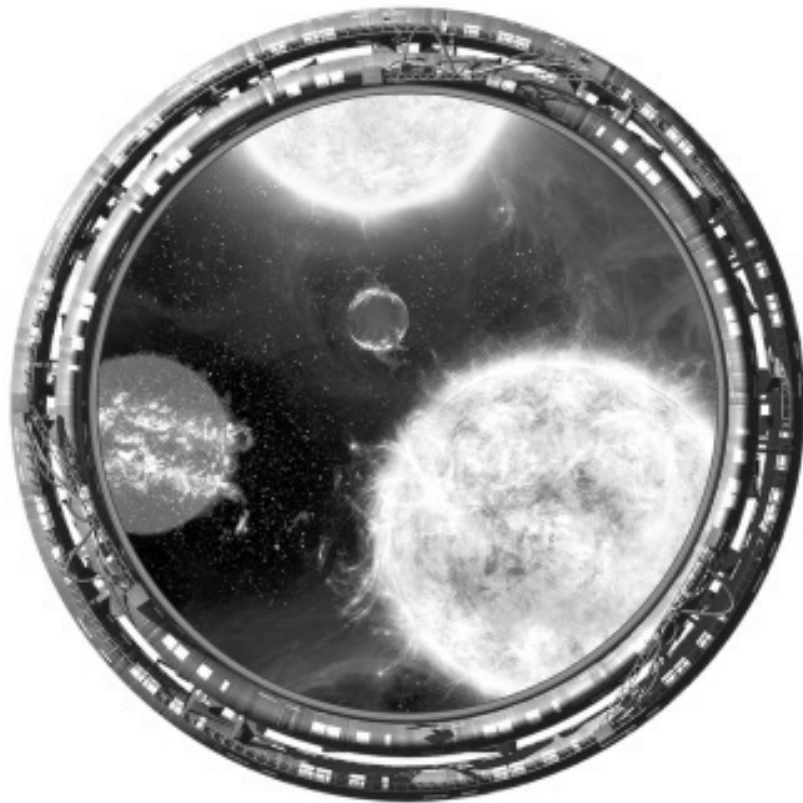
Предисловие переводчика	8
Действующие лица[1]	9
Часть I	10
Глава 1	10
Глава 2	19
Глава 3	29
Часть II	34
Глава 4	35
Глава 5	44
Глава 6	47
Глава 7	59
Конец ознакомительного фрагмента.	65

ЗАДАЧА ТРЕХ ТЕЛ

Лю Цысинь
Воспоминания о прошлом
Земли: Задача трех тел

Воспоминания
о прошлом Земли:
ЗАДАЧА ТРЕХ ТЕЛ
ТЕМНЫЙ ЛЕС
ВЕЧНАЯ ЖИЗНЬ СМЕРТИ

###

Copyright © 2006 by ### (Liu Cixin) © FT Culture (Beijing) Co., Ltd. All Rights Reserved

Разработка серии *Андрея Саукова, Николая Плутина*
Иллюстрации на обложке и в тексте *Николая Плутина*

© О. Глушкова, перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Предисловие переводчика

Прочитав в 2014 году английский перевод романа китайского писателя Лю Цысиня # (пиньинь «саньти», русск. «Задача трех тел»), и особенно после того как эта книга в 2015 году получила премию Хьюго, я загорелась идеей перевести его для русского читателя. Я не знаю китайского языка, поэтому переводила с английского. Времени на это ушло очень много, поскольку до этого я чисто научную фантастику не переводила. Приходилось много общаться со специалистами: китаеводами, физиками, программистами и тому подобное. В процессе написания перевода мне пришлось близко познакомиться и с теорией струн, и со строением Солнца, и с космологией, и с историей Китая (в особенности времен «культурной революции»), и так далее, и тому подобное. Я мучила вопросами всех, кто имел хотя бы отдаленное отношение к Китаю или науке. Меня заставляли двигаться вперед любовь к книге и чисто спортивное упрямство.

Перевод с китайского на английский сделал замечательный американский писатель-фантаст китайского происхождения Кен Лю. Работать с его текстом было удовольствием. В романе довольно много говорится о временах и реалиях «культурной революции», не очень известных в «большом мире», поэтому и сам автор, и Кен Лю снабдили текст значительным количеством совершенно необходимых для понимания текста сносок. Мне, со своей стороны, пришлось тоже внести свою лепту в сноски, поскольку в романе имеется множество научных терминов и фактов, о которых большинство читателей имеет лишь весьма отдаленное представление. Итак, примечания в книге принадлежат трем авторам: самому Лю Цысиню; Кену Лю, переводчику романа на английский язык; и мне, переведшей его на русский язык; обозначены они соответственно как «Прим. автора», «Прим. К. Л.» и «Прим. перев.».

Я глубоко благодарна за помощь и поддержку в создании этого перевода моему помощнику Константину Васенину; знающему и тонко чувствующему консультанту Дмитрию Накамура; Альберту Крисскому – опытному драгоману, тщательно сверившему текст по китайскому оригиналу; Гар Гарычу, рассказавшему мне много нового и интересного о Китае эпохи «культурной революции»; Red China Devil за его неоценимые советы; другим участникам и администрации форума «Восточное Полушарие», всем моим друзьям и «болельщикам», а также несравненному, великолепному, волшебному мистеру Гуглу. Всем огромное спасибо!

Ольга Глушкова

Действующие лица¹

Семья Е

Е Чжэтай – физик, профессор Университета Цинхуа
Шао Линь – жена Е Чжэтая, физик
Е Вэньцзе – дочь Е Чжэтая, астрофизик
Е Вэньсюэ – сестра Е Вэньцзе, член организации хунвэйбинов

База «Красный берег»

Лэй Чжичэн – политический комиссар базы «Красный берег»
Ян Вэйнин – главный инженер базы «Красный берег», бывший студент Е Чжэтая

Настоящее время

Ян Дун – дочь Е Вэньцзе и Ян Вэйнина, физик, специалист в теории струн
Дин И – близкий друг Ян Дун, физик-теоретик
Ван Мяо – исследователь в области наноматериалов
Ши Цян – полицейский детектив, также известный под прозвищем Да Ши
Чан Вэйсы – генерал-майор Народно-освободительной армии Китая
Шэнь Юйфэй – японка, физик, член общества «Рубежи науки»
Вэй Чэн – муж Шэнь Юйфэй, гениальный математик, затворник
Пань Хань – биолог, друг/знакомый Шэнь Юйфэй и Вэй Чэна, член общества «Рубежи науки»
Ша Жуйшань – астроном, один из студентов Е Вэньцзе
Майк Эванс – наследник нефтяного магната
Стентон – полковник морской пехоты США, руководитель операции «Гучжэн»

¹ В китайских именах первой идет фамилия, затем личное имя. – *Прим. перев.*

Часть I Безмолвная весна

Глава 1 Годы безумия

Китай, 1967 год

Уже второй день Красный союз вел осаду штаба Бригады Красной охраны имени Двадцать восьмого апреля. Вокруг осажденного здания неустанно реяли красные флаги, словно костры, постоянно жаждущие дров.

Командира Красного союза снедала тревога, но не из-за противника: две жалкие сотни хунвэйбинов² из Бригады имени Двадцать восьмого апреля были просто молокососами по сравнению с бойцами Красного союза, основанного в 1966 году, в самом начале Великой Пролетарской Культурной революции. Хунвэйбины Красного союза, принимавшие участие в рево-

² Хунвэйбины – буквально «красные охранники» – отряды молодежи, сформированные в Китае в 1966 г., в период так называемой «культурной революции», отличавшиеся крайним пренебрежением к культуре и ее традициям, а также невероятной жестокостью по отношению к людям и правам человеческой личности. – *Прим. перев.*

люционных походах по всей стране и видевшие выступления Председателя Мао на площади Тяньаньмэнь, были опытными и закаленными бойцами.

И все же их командир боялся. Он боялся двух десятков чугунных печек внутри здания, начиненных взрывчаткой и соединенных общим электрическим детонатором. Он не видел, но чувствовал их, как железо ощущает притяжение магнита. Если кто-то из осажденных переключит рубильник, в гигантском взрыве погибнут все – и революционеры, и контрреволюционеры.

А юнцы из Бригады имени Двадцать восьмого апреля и правда были способны на такое безумие. В отличие от суровых мужчин и женщин первого поколения хунвэйбинов эти бунтовщики были как стая бешеных волков на раскаленных углях.

Внезапно на крыше здания возникла тонкая фигурка красивой девушки с огромным красным знаменем Бригады в руках. Ее появление было встречено какофонией выстрелов. Оружие у нападавших было самое разнообразное: от устаревших американских карабинов, чешских автоматов и японских ружей 38-го калибра до новейших винтовок и пулеметов, принятых на вооружение в Народно-освободительной армии Китая и украденных из ее арсеналов после публикации «Августовской передовицы»³. Здесь были даже копы и китайские мечи – дадао. Вся современная история в сжатом изложении.

Члены Бригады и раньше устраивали подобные «показательные выступления». Они взбирались на крышу, размахивали флагами, выкрикивали в мегафон лозунги, осыпали нападающих листовками... Как правило, храбрецы, среди которых были как мужчины, так и женщины, успевали скрыться от града пуль, заслужив почет и славу за свой подвиг.

Девушка на крыше, очевидно, не сомневалась, что ей это тоже удастся. Она размахивала боевым знаменем, рдеющим, словно ее пламенная юность, и свято верила, что враги сгорят дотла в огне революции, что завтра из пыла и жара ее крови родится новый, совершенный мир. Девушку опьяняла эта сияющая алая мечта... но тут ее грудь пронзила пуля.

Ее пятнадцатилетнее тело было так нежно, что пуля прошла его насквозь, не задержавшись ни на мгновение. Юная воительница и ее знамя полетели с крыши; легкая фигурка, казалось, падала медленнее, чем красное полотнище, – словно птичка, не желающая покидать небо.

Бойцы Красного союза завопили от радости. Они ринулись к зданию, подхватили худенькое безжизненное тело девушки и вырвали знамя из ее рук. Воздев трофеи над головами, они некоторое время торжествовали, а потом швырнули погибшую на ворота, ведущие во двор комплекса.

Большинство металлических прутьев, из которых состояли ворота, исчезло – их сорвали еще в начале межфракционных войн, чтобы использовать как копы, – но пара еще держалась. Тело девушки нанизалось на их острия. Некоторым в этот момент показалось, будто оно, дернувшись, на мгновение вернулось к жизни.

Хунвэйбины из Красного союза немного отошли и принялись упражняться в стрельбе, используя труп в качестве мишени. Для погибшей свинцовый шквал был все равно что легкий дождик, поскольку она больше ничего не чувствовала. Ее безжизненные руки, тонкие словно прутки, изредка вздрагивали под пулями, будто под каплями дождя.

А потом ей снесло половину лица. Ее прекрасный глаз одиноко смотрел в голубое небо 1967 года. Во взгляде не было боли, только преданность делу и решимость.

И все же по сравнению с другими девушка была счастливницей. Она, во всяком случае, погибла славной смертью, пожертвовав жизнью за идею...

³ Имеется в виду статья, напечатанная в августе 1967 г. в журнале «Красный флаг», важном источнике пропаганды во время «культурной революции». Статья призывала «очистить нашу армию от горстки [контрреволюционеров]». Многие хунвэйбины истолковали это как завуалированный призыв к захвату арсеналов НОАК, что способствовало разжиганию междоусобных войн локального масштаба между различными фракциями хунвэйбинов (Красной охраны). – *Прим. К. Л.*

* * *

Такие бои полыхали по всему Пекину, словно множество параллельно работающих процессоров, на выходе у которых была «культурная революция». Безумие затопило город, насилие проникло во все его углы и закоулки.

На окраине города, на спортплощадке Университета Цинхуа в присутствии нескольких тысяч человек уже часа два шел «митинг борьбы»⁴. Это массовое мероприятие имело целью с помощью оскорблений и пыток унижить и сломить врагов революции, заставить их публично покаяться в своих преступлениях.

Фракции внутри революционного движения, раздираемого идеологическими противоречиями, постоянно враждовали между собой. В университете не прекращались напряженные конфликты между Красной охраной, «Рабочей группой культурной революции», «Агитбригадой рабочих» и «Агитбригадой военных». Вдобавок сами фракции делились на группы, каждая из которых имела свою социальную основу и программу. Все это вело к еще более ожесточенной борьбе.

Жертвами сегодняшнего мероприятия были реакционные буржуазные преподаватели. Будучи врагами для всех фракций, они были вынуждены отбиваться от яростных атак со всех сторон.

Преподаватели-реакционеры отличались от прочих «чудищ и демонов»⁵: на «митингах борьбы» в начале «культурной революции» они вели себя упрямо и вызывающе. Именно на этой стадии погибли очень многие из них. За сорок дней в одном только Пекине были забиты насмерть тысяча семьсот человек. Другие, такие как Лао Шэ, У Хань, Цзянь Боцзань, Фу Лэй, Чжао Цзючжан, И Цюнь, Вэнь Цзе, Хай Мо и другие некогда уважаемые интеллектуалы, выбрали более легкий путь, уйдя из жизни по собственной воле⁶.

Те же, кто выжил после первой стадии, постепенно теряли чувствительность к нескончаемым издевательствам. Ментальная броня помогала им не сломаться физически. Зачастую во время судилищ эти люди, казалось, впадали в прострацию, и, чтобы привести их в чувство, мучители орали им в лицо. Тогда истязаемые, очнувшись, машинально повторяли свои признания, и до того уже произнесенные бесчисленное количество раз.

Дальше для некоторых наступала третья стадия. Бесконечные внушения отравляли им мозг до тех пор, пока их умы, возвращенные на знания и логику, не уступали натиску. Жертвы

⁴ «Митингами борьбы», или, в другом варианте перевода, «собраниями критики», называли собрания, призванные «перевоспитать» преподавателей в духе революции. По существу, это были публичные издевательства студентов-хунвэйбинов над преподавателями. Вот что пишет о них в своей книге «Дикие лебеди» Юн Чжан, живая свидетельница «культурной революции»: «...«Митинги борьбы» стали одной из главных примет «культурной революции». На них истерически орали и редко обходились без рукоприкладства. Возглавлял движение Пекинский университет, под личным присмотром Мао. На первом же митинге 18 июня били, пинали, поставили на многие часы на колени более шестидесяти профессоров и деканов, и даже ректора. На головы им надели дурацкие колпаки с издевательскими надписями, лицо вымазали черными чернилами (черный – цвет зла), все тело обклеили лозунгами. Каждую из жертв, заломив ей руки за спину с такой силой, словно хотели их вывихнуть, толкали вперед двое студентов. Эта поза, называемая «реактивный самолет», вскоре стала характерной чертой «митингов борьбы» по всей стране. Однажды хунвэйбины из нашего класса позвали меня на митинг. В жаркий летний полдень меня била дрожь: на спортплощадке, на помосте я увидела десяток учителей со склоненными головами и руками в позе «реактивный самолет». Потом одних пнули под колени и приказали на них встать, других, включая моего пожилого учителя английского языка с манерами джентльмена, поставили на длинные узкие скамьи. Он не удержался, покачнулся, упал и расшиб об острый край лоб. Стоявший рядом хунвэйбин машинально нагнулся и протянул ему руки, но тут же выпрямился, сжал кулаки, принял преувеличенно суровый вид и закричал: «Быстро на скамью!» Юноша явно не хотел показаться мягким к «классовому врагу». Кровь текла по лбу учителя и запекалась на его щеке». (Перев. Р.Г. Шапиро.) – *Прим. перев.*

⁵ «Чудища и демоны» – так вслед за Мао хунвэйбины именовали контрреволюционеров. – *Прим. перев.*

⁶ Перечислены только некоторые из самых знаменитых ученых, покончивших жизнь самоубийством во время «культурной революции»: писатели И Цюнь и Лао Шэ, историки У Хань и Цзянь Боцзань, критик и переводчик Фу Лэй, метеоролог и геофизик Чжао Цзючжан, поэт Вэнь Цзе, сценарист и романист Хай Мо. – *Прим. К. Л.*

начинали верить, что и правда виновны, проникались осознанием того, какой тягчайший вред они нанесли великому делу революции. Их слезы были более искренними, а раскаяние – более глубоким, чем у тех «чудищ и демонов», которые не принадлежали к интеллектуальной элите.

Хунвэйбинам было неинтересно иметь дело с жертвами на последних двух стадиях. Они получали удовольствие от страданий только тех «чудищ и демонов», что находились на первой стадии; такие были для них как красная тряпка для быка. Но этих желанных жертв становилось все меньше. В Цинхуа остался, возможно, только один такой человек, и потому его, словно изысканное лакомство, приберегли на конец мероприятия.

Е Чжэтай до сих пор удавалось оставаться в живых, но он застрял на первой стадии, то есть не собирался каяться, впадать в проstration или кончать жизнь самоубийством. Когда профессор физики всходил на помост перед толпой, на лице его было ясно написано: «Пусть крест, который я несу, станет еще тяжелее»⁷.

Хунвэйбины и в самом деле навьючили на него тяжелое бремя, но это был не крест. В то время как на других «подсудимых» надевали дурацкие колпаки из бамбука, на Е Чжэтай напялили колпак из толстых стальных прутьев. И на груди у него висела не деревянная табличка, как у остальных. Ее заменяла чугунная дверца, снятая с лабораторной печи. На дверце большими черными иероглифами было написано имя профессора, и две красные полосы перечеркивали его крест-накрест.

На помост Е сопровождало в два раза больше конвоиров, чем у других жертв, – двое юношей и четыре девушки. Юноши, студенты-физики четвертого курса, шагали уверенно и целеустремленно, как истинные образцы зрелой большевистской молодежи. Е был их профессором. Девушки, вернее, совсем еще девочки, учились во втором классе неполной средней школы при университете⁸. Одетые в военную форму с патронташами, они так и лучились юношеским задором. Девочки окружили Е Чжэтай, словно четыре языка зеленого пламени.

Толпа пришла в возбуждение. Скандирование лозунгов, до этого слегка ослабевшее, возобновилось с прежней силой. В криках, поднявшихся, словно цунами, утонули все остальные звуки.

Терпеливо дождавшись, пока шум утихнет, один из хунвэйбинов обратился к жертве:

– Е Чжэтай, ты эксперт в механике. Тебе должна быть очевидна величина совокупной силы, которой ты противостоишь. Если будешь упрямыться по-прежнему, гибели тебе не избежать! Сегодня мы продолжим с того, на чем остановились в прошлый раз. Ни к чему попусту расходовать слова. Отвечай на вопрос без своих обычных уловок. В 1962–1965 годах ты по собственной воле, не спрашивая разрешения, добавлял теорию относительности к введению курса физики. Это так?

– Теория относительности – одна из фундаментальных физических теорий, – ответил Е. – Разве можно исключать ее из элементарного обзорного курса?

– Лжешь! – воскликнула одна из девочек. – Эйнштейн – реакционный ученый. Он служил всякому, кто звенел перед ним золотом. Он даже сбежал к американским империалистам и помогал им конструировать атомную бомбу! Чтобы развивать революционную науку, нам необходимо повергнуть теорию относительности, это черное знамя капитализма! – Она была самая умная из четырех хунвэйбинок и хорошо подготовилась, заранее вызубрив сценарий.

⁷ Специально для скептиков: переводчик выяснил у тех, кто читал роман по-китайски, что Лю Цысинь действительно употребляет именно это выражение. – *Прим. перев.*

⁸ В образовательной системе Китая после шести классов начальной школы следуют три класса неполной средней и три класса полной средней школы (*эту последнюю еще называют старшей школой или гимназией – устоявшегося термина нет*). Во время «культурной революции» двенадцать лет сократили до девяти и десяти – в зависимости от провинции или муниципалитета. В данном случае девушкам-конвоирам по четырнадцать лет. – *Прим. К. Л.*

Е молчал. Все его силы уходили на борьбу с мучениями, причиняемыми стальным колпаком и чугуновой плитой, висящей на шее; у него не оставалось энергии, чтобы отвечать на вопросы, не заслуживавшие ответа.

Но с таким, как Е Чжэтай, одних только лозунгов мало. Хунвэйбины решили применить новое оружие. Один из студентов подал знак кому-то в толпе, и из первого ряда поднялась жена Е, профессор физики Шао Линь. Она вышла на помост, одетая в мешковатый зеленый костюм, явно подражающий военной форме хунвэйбинов. Те, кто знал Шао Линь, помнили, что она нередко читала лекции в элегантном ципао⁹. Нынешний наряд был ей совсем не к лицу.

– Е Чжэтай! – К подобной аудитории она была непривычна, поэтому, пытаясь кричать, добилась лишь того, что голос ее дрожал сильнее обычного. – Ты, конечно, не рассчитывал, что я начну изобличать тебя?! Да, в прошлом тебе удалось ввести меня в заблуждение! Ты затуманил мой разум своими реакционными взглядами на мир и науку! Но теперь я все осознала! Больше тебе меня не обмануть! С помощью революционной молодежи я стану на сторону правого дела, на сторону народа!

Она повернулась к зрителям:

– Товарищи революционные студенты и революционные преподаватели, мы все должны четко осознавать реакционный характер теории Эйнштейна. Особенно сильно он проявляется в общей теории относительности: статическая модель Вселенной отрицает динамический характер материи. Эта теория противоречит диалектике! Она рассматривает Вселенную как ограниченную, замкнутую. Это самый заскорузлый идеализм!..

Слушая выступление жены, Е лишь горько усмехался. «Линь, значит, я ввел тебя в заблуждение? На самом деле это ты всегда была для меня загадкой. Как-то раз я выразил свое восхищение твоим талантом, но твой отец (какое счастье, что он давно умер и не видит этого позора!) покачал головой и сказал, что ты вряд ли достигнешь больших высот в науке. Его следующие слова оказались пророческими: «Линьлин слишком сообразительна. Чтобы заниматься фундаментальной наукой, нужно быть тупицей».

Лишь в последние годы смысл его слов стал мне ясен. Линь, ты и правда слишком сообразительна. Уже несколько лет назад ты почувствовала, откуда ветер дует, и начала готовиться. Например, в своих лекциях ты изменила названия многих физических законов и констант: закон Ома называла законом сопротивления, уравнения Максвелла – электромагнитными уравнениями, постоянную Планка – квантовой постоянной... Ты вдалбливала студентам, что все научные достижения – это результат мудрости пролетарских масс, а эти просвещенные приспешники капиталистов лишь присвоили себе их плоды, дав им свои имена.

Однако и тогда большинство «товарищей» не желало признавать тебя своей. Посмотри на себя: тебе даже сейчас не позволяют носить красную нарукавную повязку «революционных преподавателей»; ты была вынуждена прийти сюда с пустыми руками, без права держать в них «маленькую красную книжицу»... Ты родилась в знатной семье дореволюционного Китая, твои родители – знаменитые ученые. Этот грех не простится тебе никогда.

Что касается Эйнштейна, тут ты могла бы порассказать гораздо больше меня. Зимой 1922 года Эйнштейн приезжал в Шанхай. Твой отец бегло разговаривал по-немецки, поэтому его попросили сопровождать приезжую знаменитость. Ты много раз говорила мне, что твой отец занялся физикой под влиянием Эйнштейна, а ты выбрала ту же науку по примеру отца, так что Эйнштейна можно в некотором роде считать твоим учителем. Когда-то ты была этим горда и счастлива.

Позже я узнал, что отец скормил тебе сладкую ложь. У них с Эйнштейном состоялась только одна очень короткая беседа. Утром 13 ноября 1922 года он сопровождал Эйнштейна

⁹ Ципао – красивое шелковое платье, модель которого разработана в Китае еще в 30-е годы прошлого века, но популярное до сих пор, и не только в Китае. – *Прим. перев.*

на прогулке по Нанкинской улице. С ними были и другие: Юй Южэнь, ректор Шанхайского университета, и Цао Губин, главный редактор газеты «Дагунбао». На дороге шел ремонт. Эйнштейн остановился около рабочего, который разбивал камни, и некоторое время молча смотрел на него. На парне были старые лохмотья, лицо и руки в грязи. Эйнштейн осведомился у твоего отца, сколько этот рабочий зарабатывает за день. Твой отец спросил парня, а затем ответил: пять центов.

Это был единственный раз, когда твой отец разговаривал с научным светилом, изменившим мир. Не было никаких дебатов ни о теории относительности, ни о физике вообще – лишь холодная, суровая реальность. По словам твоего отца, услышав ответ, Эйнштейн долго стоял и наблюдал за размеренными, механическими движениями рабочего, забыв про свою трубку, из которой просыпался пепел. Твой отец сам рассказал мне об этом. А потом добавил: «В Китае любая мысль, дерзнувшая воспарить в небеса, обречена упасть на землю. Тяготение реальности слишком сильно».

– Голову вниз! – выкрикнул один из конвоиров. Все, кто подвергался общественной критике, должны были униженно гнуть шею. Возможно, этот окрик был проявлением милосердия со стороны бывшего студента: стоит профессору склониться – и железный колпак упадет; если при этом Е продолжит стоять согнувшись, то не будет и повода снова надевать на него орудие пытки. Но профессор держал голову высоко, отказываясь смириться. И как только его тонкая шея выдерживала такую тяжесть?

– Голову вниз, строптивый реакционер! – Одна из девочек сдернула с себя ремень и хлестнула профессора. Медная пряжка угодила жертве в лоб, оставив глубокую ссадину, которая тут же начала сочиться кровью. Е покачнулся, но удержался на ногах и гордо выпрямился.

Один из хунвэйбинов сказал:

– Ты и в квантовую механику подбавлял немало реакционных идей! – Он кивнул Шао Линь, призывая ее продолжать.

Та с готовностью подчинилась. Собственно, у нее не было выбора, иначе ее хрупкий разум, и без того балансирующий на грани безумия, взорвался бы.

– Е Чжэтай, тебе нечего возразить на это обвинение! Ты постоянно вдавливал в головы студентов реакционную копенгагенскую интерпретацию квантовой механики!

– Эта гипотеза признана как наиболее соответствующая экспериментальным данным. – Его тон, спокойный и собранный, удивил и напугал Шао Линь.

– Эта гипотеза постулирует, что внешнее наблюдение ведет к коллапсу волновой функции! Еще одно утверждение из области реакционного идеализма, причем до крайности наглое!

– Философия направляет эксперименты или эксперименты определяют философию? – Контратака Е застала экзекуторов врасплох. На несколько мгновений они растерялись.

– Конечно же, истинная философия, философия марксизма, должна направлять научные эксперименты! – наконец ответил один из хунвэйбинов.

– Тогда это эквивалентно утверждению, будто истина падает с неба. Это противоречит тезису, гласящему, что истина познается опытным путем, то есть противоречит марксистскому методу понимания законов природы.

Шао Линь и оба студента-хунвэйбина не нашли что ответить. В отличие от девочек – учениц неполной средней школы, они не могли совсем уж игнорировать логику.

Зато у четырех малявок имелись свои радикальные революционные методы, против которых, как они полагали, никто не устоит. Та, что ударила Е, размахнувшись, хлестнула ремнем еще раз. Остальные девочки тоже сняли ремни. Поскольку их соратница продемонстрировала столь яростное революционное рвение, им надлежало выказать еще большее или хотя бы такое же. Юноши не останавливали их, потому что, если бы они вмешались, их могли бы посчитать недостаточно революционными.

– Ты также преподавал теорию Большого взрыва. Это самая реакционная из всех научных теорий! – проговорил один из них, пытаясь сменить тему.

– Возможно, в будущем эта теория и будет опровергнута. Но два великих космологических открытия двадцатого века – закон Хаббла и космическое микроволновое фоновое излучение – доказывают, что теория Большого взрыва на данный момент наиболее правдоподобно объясняет происхождение Вселенной.

– Ложь! – выкрикнула Шао Линь и пустилась в длительные рассуждения об упомянутой теории, не забывая вставлять острые критические замечания относительно ее реакционного характера. Но свежесть этой гипотезы импонировала самой развитой из девочек, и она не могла не поинтересоваться:

– Время началось с исходной точки? А что же было до этого?

– Ничего, – ответил Е, как ответил бы на вопрос каждого любознательного молодого человека. Он повернулся и доброжелательно взглянул на девочку. Ему, израненному и с железным колпаком на голове, это движение далось с огромным трудом.

– Ни... ничего? Но это же реакционно! Просто махровая реакция! – спохватилась перепуганная девочка. Она бросила взгляд на Шао Линь, которая кивнула и с готовностью пришла ей на помощь:

– Эта теория оставляет место для Бога.

Юная хунвэйбинка, озадаченная новыми для нее идеями, наконец нащупала опору под ногами. Она наставила на Е руку с зажатым в ней ремнем:

– Ты хочешь сказать, что Бог существует?

– Я не знаю.

– Что?!

– Я говорю, что не знаю. Если под Богом ты подразумеваешь некое сверхсознание за пределами Вселенной, то я не знаю, существует оно или нет. Наука не дает доказательств ни за, ни против.

На самом деле в этот кошмарный момент своей жизни Е склонялся к мысли, что Бога нет.

Услышав это крайне реакционное заявление, публика взволновалась, зашумела и, следуя примеру одного из хунвэйбинов на помосте, снова разразилась лозунгами:

– Долой ученого-реакционера Е Чжэтая!

– Долой всех преподавателей-реакционеров!

– Долой контрреволюционные доктрины!

Как только волна криков улеглась, девочка провозгласила:

– Бога нет! Все религии – это орудия, изобретенные правящими классами для порабощения воли народа!

– Это очень однобокий подход, – спокойно парировал Е.

Юная хунвэйбинка, смущенная и рассерженная, пришла к выводу, что против такого опасного врага словесные аргументы бессильны. Она подняла ремень и снова накинулась на Е. Три ее товарки последовали за ней. Профессор был высок ростом и по-прежнему стоял выпрямившись; чтобы попасть ему по лбу, четырнадцатилетним девчонкам приходилось хлестать ремнями снизу вверх. После нескольких первых ударов железный колпак, который хоть немного, но все-таки защищал его, свалился, а вскоре под обрушившимися на него ударами медных пряжек упал и сам Е.

Девочки, воодушевленные успехом, с еще большим усердием отдались своему славному занятию. Они боролись за веру, за идеалы. Их пьянил яркий свет, который бросала на них история, они гордились своей храбростью...

Два студента Е в конце концов вмешались и прекратили расправу.

– Председатель Мао советует нам больше полагаться на убеждение, чем на силу! – Они оттащили вошедших в раж девчонок от профессора.

Но было поздно. Физик безмолвно лежал в багровой луже, его невидящие глаза были открыты. Возбужденная толпа застыла в молчании. Единственное, что двигалось, – это ручеек крови. Словно алая змея, он медленно извивался по помосту, добегал до края и падал на подставленный внизу ящик. Ритмичный стук падающих капель был похож на звук шагов – как будто кто-то уходил отсюда...

Тишину нарушил резкий смех. Смеялась Шао Линь, разум которой в конце концов не выдержал. Присутствующие содрогнулись. Толпа начала расходиться, сперва по одному, потом широким потоком. Спортплощадка опустела, и около помоста осталась только одна девушка.

Это была Е Вэньцзе, дочь Е Чжэтая.

Во время расправы над отцом она порывалась выскочить на помост, но два старых университетских уборщика удерживали ее, шепча ей на ухо, что если она поднимется туда, ее постигнет судьба отца. «Митинг борьбы» превратился в сцену коллективного помешательства, и появление Вэньцзе на помосте привело бы только к еще большему разгулу насилия. Она кричала и кричала, но в громовых раскатах лозунгов и одобрительных возгласов ее никто не слышал.

Когда настала тишина, Вэньцзе уже не была в состоянии издать ни звука. Она лишь молча смотрела на безжизненное тело отца, и мысли, которые она не могла высказать, ушли в самую глубь ее души, растворились в крови, где остались до конца ее дней. Толпа разошлась, а Вэньцзе так и стояла, будто окаменевшая, продолжая сохранять ту позу, в которой ее еще недавно удерживали два старых уборщика.

Прошло довольно много времени, прежде чем она опустила руки, медленно взошла на помост, присела около отца и взяла его похолодевшую руку. Она сидела, уставив в никуда пустой взгляд, а когда за телом пришли, вытащила из кармана и вложила в ладонь отца его любимую трубку.

Вэньцзе тихо покинула спортплощадку, совсем пустую, если не считать оставленного толпой мусора, и направилась домой. Подойдя к жилому корпусу преподавательского состава, она услышала взрывы безумного хохота, доносящиеся из окна второго этажа, где располагалась их квартира. Это смеялась женщина, которую Вэньцзе когда-то называла матерью.

Е развернулась и пошла прочь, не задумываясь о том, куда ведут ее ноги.

Они привели ее к двери профессора Жуань Вэнь. В течение четырех лет учебы Вэньцзе в университете профессор Жуань была не только ее наставницей, но и другом. Она оставалась им и в течение двух лет магистратуры, когда Е специализировалась в астрофизике, и в последующем хаосе «культурной революции». Профессор Жуань была ее самым близким человеком, не считая отца.

Жуань училась в Кембриджском университете. Вэньцзе очень любила бывать в ее доме, полном прекрасных, удивительных вещей. Чего там только не было: редкие книги, картины и пластинки, завезенные из Европы; рояль; коллекция курительных трубок на изящной деревянной подставке – одни из средиземноморского вереска, другие из турецкой пенки... Каждая из этих трубок, казалось, была проникнута мудростью их владельца, человека, который давным-давно, погрузившись в мысли, держал ее в руке или зажимал в зубах мундштук. Жуань никогда не упоминала имени этого мужчины. Трубка, которую курил отец Вэньцзе, была ее подарком.

Когда Вэньцзе требовалось скрыться от бурь окружающего мира, этот уютный, теплый дом служил ей убежищем... но это было до того, как дом Жуань обыскали хунвэйбины и забрали себе ее сокровища. Как и отец Вэньцзе, Жуань подверглась издевательствам со стороны Красной охраны. На «митинге борьбы» хунвэйбины повесили ей на шею пару туфель на тонком высоком каблуке и размазывали лицо губной помадой, чтобы показать всем, какой развратный капиталистический образ жизни ведет профессор Жуань.

Вэньцзе толкнула дверь, вошла и увидела, что беспорядка, который оставили после себя хунвэйбины, больше нет. Сорванные со стен картины склеены и развешаны по местам; разбитый рояль, хотя и безнадежно испорченный, натерт до блеска; несколько оставшихся книг аккуратно расставлены по полкам...

Жуань сидела за письменным столом с закрытыми глазами. Вэньцзе подошла и осторожно прикоснулась к ее лицу и рукам – они оказались холодными. Еще только войдя в дверь, девушка заметила на столе пустую склянку из-под таблеток...

Она некоторое время постояла в молчании. Затем повернулась и пошла к выходу. Она больше не чувствовала скорби. Вэньцзе стала как счетчик Гейгера, зашкаливший от слишком сильной радиации: не способный к измерениям, он молчит и ничего не может показать.

Но на самом пороге Вэньцзе обернулась и окинула комнату взглядом в последний раз. Она заметила, что профессор Жуань перед смертью позаботилась о своей внешности: на губах ее была яркая помада, на ногах – туфли на тонком высоком каблуке.

Глава 2

«Безмолвная весна»

Два года спустя, хребет Большой Хинган

«Поберегись!»

За возгласом последовал треск, и могучая даурская лиственница, массивная, как колонна Парфенона, рухнула на землю. Е Вэньцзе ощутила, как дрогнула почва под ногами.

Орудую топором и пилой, она принялась очищать ствол от ветвей. Каждый раз, проделывая эту работу, она чувствовала себя так, будто обрубает руки-ноги мертвому великану. Иногда ей даже казалось, что этот великан – ее отец, и тогда в ней просыпались воспоминания о той страшной ночи, когда она обмывала его тело в морге. Сучки и трещины в древесине казались рубцами и ранами на теле ее отца.

Больше ста тысяч человек – шесть дивизий и сорок один полк Производственно-строительного корпуса – рассыпались по необозримым степям и лесам Внутренней Монголии. Многие из «образованной молодежи» – студенты, лишённые возможности продолжать учебу, – покинули города и прибыли в эти негостеприимные места, движимые романтической жадой подвига: как только танковые соединения советских империалистов-ревизионистов пересекут китайско-монгольскую границу, они, молодые бойцы, возьмут оружие и встанут живым щитом на их пути. Собственно, такова и была стратегическая цель создания Производственно-строительного корпуса.

Однако война, которой они так жаждали, была словно горы по ту сторону степи: видны четко, но недостижимы, как мираж. Поэтому им пришлось удовлетвориться расчисткой полей, выпасом скота и лесоповалом.

Вскоре молодые мужчины и женщины, когда-то потратившие немало юношеской энергии на паломничество к священным местам революционной славы, обнаружили, что по сравнению с необъятным небом и просторами Внутренней Монголии самые великие города Китая – лишь тесные овечьи загоны. Здесь, посреди бесконечных холодных чащ и покрытых травой лугов, их революционный пыл расходовался впустую. Даже если бы все бойцы Корпуса изжили кровью, она остыла бы быстрее, чем кучка коровьего навоза, и пользы от нее было бы не больше. Но такова была судьба этого поколения – вспыхнуть и сгореть в пламени революции. Под их бензопилами холмы, покрытые необозримыми лесами, превращались в голые бугры. Под их тракторами и комбайнами бескрайние степи становились сначала хлебными полями, а затем пустынями.

Е Вэньцзе уничтожение лесов, которому она была живым свидетелем, казалось безумием. Величественные даурские лиственницы, вечнозеленые сосны, стройные белые березы, высокие, под облака, корейские осины, ароматные сибирские кедры, а вместе с ними и черные березы, дубы, горные ясени и чозении – под топор шло все, на что падал взгляд. Сотни бензопил гудели, словно туча стальной саранчи. Там, где проходили товарищи Е Вэньцзе, из земли торчали лишь пни.

Поваленную даурскую лиственницу, лишенную ветвей, оставалось только прицепить к трактору. Е осторожно провела ладонью по свежему спилу. Она часто так делала – словно спил был огромной раной и она могла почувствовать боль дерева. Внезапно она заметила, как чья-то другая рука гладит пень убитой лиственницы. Рука дрожала, выдавая сердце, бьющееся в такт с ее собственным. Несмотря на белизну и изящество, ладонь явственно принадлежала мужчине.

Вэньцзе подняла глаза и увидела Бай Муляня – маленького, хрупкого человека в очках, корреспондента газеты Корпуса «Новости Великой стройки». Он прибыл позавчера, чтобы собрать материал об отряде, в котором состояла Вэньцзе. Она читала его статьи, написанные

прекрасным стилем, тонкие и прочувствованные, совсем не соответствующие грубым реалиям здешней жизни.

– Ма Ган, идите-ка сюда! – позвал Бай молодого человека, возившегося неподалеку. Ма был здоровяк, грудь колесом, могучий, как та даурская лиственница, которую он только что свалил. Когда он подошел, Бай спросил:

– Сколько лет этому дереву?

– Так посчитайте кольца. – Ма кивнул на пень.

– Уже посчитал. Больше трехсот тридцати. А сколько времени вам понадобилось, чтобы перепилить ствол?

– Минут десять, не больше. Я ведь управляюсь с пилой быстрее всех в нашем отряде. Да я б в какую команду ни пошел, везде у меня красный флаг. Я передовик! – Ма Ган говорил с гордостью – впрочем, как и все, кто привлекал к себе внимание Бая. Еще бы, такая честь: о тебе напишут в главной газете Корпуса!

– Больше трехсот лет! Дюжина поколений... Это дерево застало еще времена династии Мин! И все эти годы... Вы можете себе представить, сколько бурь оно выдержало, скольким событиям стало свидетелем? А вы свалили его за считанные минуты. Неужели вы ничего не почувствовали?

– А что я должен был почувствовать? – Ма Ган непонимающе уставился на Бая. – Дерево как дерево. Тут их навалом всяких. Есть и постарше этого.

– Совершенно верно. Возвращайтесь к работе. – Бай покачал головой, присел на пень и вздохнул.

Ма Ган тоже покачал головой, разочарованный тем, что у репортера пропал к нему интерес.

– Вечно этой интеллигенции что-нибудь не так, – проворчал он и покосился на Е Вэньцзе, по-видимому, распространяя свое обвинение и на нее.

Ствол потащили. Камни и пеньки сдирали кору, еще больше травмируя и без того израненное тело гиганта. В слое отмершей листвы, накапливавшейся здесь годами, протянулась глубокая борозда, быстро заполнявшаяся водой. От гниющих листьев вода стала красной как кровь.

– Вэньцзе, идите сюда, отдохните. – Бай похлопал ладонью по пню рядом с собой. Е и правда устала. Положив инструменты на землю, она подошла к корреспонденту и села с ним спина к спине.

Последовало долгое молчание. Наконец Бай не выдержал:

– Я знаю, что вы чувствуете. Но, похоже, таких, как мы с вами, здесь только двое.

Е не отозвалась. Бай и не ожидал ответа. Она была женщиной молчаливой и редко вступала в разговоры. Некоторые новички даже принимали ее за немую.

– Я бывал в этих местах год назад, – продолжал Бай. – Помню, приехал около полудня. Хозяева сказали, что на обед будет рыба. Я обвел хижину взглядом и увидел на огне котелок с водой и больше ничего. Никакой рыбы. А потом, когда вода начала закипать, хозяин взял удочку и вышел. Встал на берегу ручья, протекавшего около хижины, пару-тройку раз забросил крючок и вытянул несколько здоровенных рыб. ... Какое изобильное здесь было место! А теперь, если захочешь полюбоваться этим ручьем, ничего не выйдет. Он мертв. Мутная вода в гнилой канаве. Я вот все думаю: чем, собственно, занимается Корпус? Созиданием или разрушением?

– Откуда у вас такие мысли? – тихо спросила Е.

Она не выразила никаких эмоций, но Бай обрадовался, что она вообще заговорила.

– Прочел одну книгу, и она глубоко тронула меня. Вы читаете по-английски?

Она кивнула.

Бай вынул из сумки книгу в голубой обложке. Оглянувшись, не следит ли за ними кто-нибудь, он протянул томик Е.

– Она была опубликована в 1962 году и стала заметным явлением на Западе.

Вэньцзе повернулась на пне и взяла книгу. На обложке было написано: Рэйчел Карсон. «Безмолвная весна».

– Где вы ее взяли? – спросила Е.

– Она привлекла внимание высокого начальства. Было решено распространить ее среди избранных товарищей – только для внутреннего пользования. Мне поручили перевести часть, касающуюся лесов.

Вэньцзе открыла книгу и погрузилась в чтение. В короткой вводной главе автор описывала тихий городок, безмолвно умирающий из-за пестицидов. В простых, безыскусных выражениях автор высказывала свою глубокую озабоченность судьбой городка.

– Я хочу написать руководству в Пекин. Пусть узнают, какие бесчинства творит Строительный корпус, – сказал Бай.

Е подняла голову от книги и некоторое время раздумывала над словами собеседника. Затем, ничего не ответив, снова вернулась к чтению.

– Могу одолжить ее вам. Но будьте осторожны, чтобы никто не увидел. Вы же знаете, что они думают о подобных книгах...

Бай поднялся, еще раз оглянувшись вокруг и ушел.

* * *

Сорок лет спустя, в свои последние годы, Е Вэньцзе вспоминала, какое огромное влияние оказала «Безмолвная весна» на ее жизнь.

Книга ограничивалась одной-единственной темой – губительным влиянием чрезмерного использования пестицидов на окружающую среду, однако нарисованная автором картина потрясла Е до глубины души. До сих пор она думала, что пестициды не вредят природе, но книга Карсон показала ей, что пестициды для природы – то же самое, что «культурная революция» для страны: и то, и другое чревато чудовищными разрушениями. Значит, и другая человеческая деятельность, на первый взгляд нейтральная или даже полезная, может оказаться для природы злом?

И тогда в голову Е пришла мысль:

«Что, если отношения между человечеством и злом подобны отношениям между океаном и айсбергом, плавающим на его поверхности? И то, и другое состоит из одного и того же вещества. И если айсберг кажется чем-то совершенно отличным от океана, то это лишь потому, что у него другая форма. В действительности же айсберг есть не что иное, как часть все того же необозримого океана...

Совесть человечества спит, и не стоит рассчитывать, что она когда-нибудь проснется сама по себе. Это так же невозможно, как попытка вытащить самого себя из болота за волосы. Нужна помощь извне».

Эта мысль и определила всю дальнейшую жизнь Е.

* * *

Спустя четыре дня она отправилась в отрядное общежитие к Баю, чтобы вернуть книгу. Открыв дверь, она обнаружила, что тот, усталый, весь в грязи и опилках, лежит на кровати. Увидев гостью, Бай с трудом поднялся на ноги.

– Вы сегодня работали на лесоповале? – спросила Е.

– Я ведь давно здесь, в отряде. Нельзя же слоняться повсюду целый день, ничего не делая. Надо работать наравне со всеми. Дух революции, понимаете ли. Я работал у подножия Радарного Пика, где деревья растут особенно густо. Гнилой листвы там столько, что утопаешь по самые колени. Боюсь, как бы не заболеть от тамошних миазмов.

– У Радарного Пика? – опешила Е.

– Да. Корпус получил срочное задание: очистить от деревьев буферную зону вокруг горы.

Радарный Пик был местом, окутанным тайной. Некогда безымянная гора получила свое название из-за размещенной на ее вершине огромной параболической антенны. Вообще-то каждый, у кого была хоть крупица здравого смысла, понимал, что никакой это не радар: хотя ориентация антенны менялась каждый день, тарелка никогда не двигалась непрерывно, как это свойственно радарам. Когда дул ветер, антенна издавала заунывный вой, слышимый издалека.

Сотоварищам Е по отряду было известно, что Радарный Пик – военная база. По словам местных жителей, когда ее строили три года назад, военное ведомство привлекло множество людей – прокладывать на вершину дорогу и тянуть линию электропередачи. На гору были завезены тонны оборудования. Но после окончания строительства дорогу разрушили, оставив лишь труднопроходимую извилистую тропу. Частенько можно было наблюдать, как на вершину садятся вертолеты, а потом взмывают в воздух и улетают.

Антенна была видна не всегда: при сильном ветре ее складывали.

Но как только антенну полностью раскрывали, в округе начинало твориться нечто необычное: звери беспокоились и подавали тревожные голоса, стаи птиц вдруг ни с того ни с сего вылетали из-под полога леса, а люди страдали от головокружения и тошноты. Вдобавок у тех, кто жил неподалеку от Пика, выпадали волосы. По словам местных жителей, раньше здесь ничего подобного не наблюдалось.

О Радарном Пике рассказывали немало интересного. Однажды антенну раскрыли во время снегопада, и снег моментально перешел в дождь. Но поскольку температура у поверхности земли по-прежнему была ниже нуля, влага на деревьях превратилась в лед. С ветвей свисали гигантские сосульки, и лес стал похож на ледяной дворец. Некоторые ветки ломались под тяжестью льда, и сосульки с громким треском обрушивались на землю. Временами, когда антенна стояла во всей своей красе, среди ясного дня сверкали молнии и гремел гром, а ночью в небе вспыхивали причудливые огни.

Командиры Строительного корпуса предупредили бойцов, чтобы те держались подальше от Радарного Пика – объект находился под усиленной охраной, и у патрулей был приказ открывать огонь без предупреждения.

На прошлой неделе двое мужчин пошли на охоту. Занятые преследованием оленя, они, не подозревая, куда их занесло, оказались у Радарного Пика, и часовые, несущие вахту на полпути к вершине, начали стрелять. К счастью, лес здесь густой, и охотникам удалось уйти невредимыми, хотя один из них от страха напустил в штаны. На следующий день на отрядном сборе обоим неудачникам объявили выговор. Возможно, именно из-за этого происшествия начальство базы и предписало Корпусу вырубить лес вокруг горы. Итак, база имела право отдавать приказы Корпусу, что говорило о многом...

Бай Мулинь взял книгу из рук Е и спрятал под подушку, откуда вынул несколько убористо исписанных листов бумаги. Он протянул их Вэньцзе.

– Вот черновик моего письма. Не хотите почитать?

– Письма?

– Я говорил вам, что хочу написать центральному руководству в Пекине.

Почерк у Бая был неразборчивый, поэтому Е читала медленно. Письмо содержало много информации и было тщательно аргументировано. Оно начиналось с описания того, как горы Тайханшань, это место с изобильной и богатейшей природой, превратились в пустыню, и причиной тому было сведение лесов. Затем говорилось о резком и сильном заиливании Желтой

реки. Завершалось письмо неутешительным прогнозом: деятельность Производственно-строительного корпуса Внутренней Монголии приведет к тяжелейшим экологическим последствиям. Е обратила внимание, что у Бая та же манера изложения, что и в «Безмолвной весне»: четкая, простая и одновременно поэтичная. Несмотря на технический склад ума, Е любила хорошую литературу.

– Это прекрасно, – искренне промолвила она.

Бай кивнул.

– Тогда я отошлю его.

Он взял несколько листов бумаги – переписать текст начисто. Но руки его дрожали так сильно, что он не смог изобразить ни одного иероглифа. Обычное дело у новичков в первые дни работы с бензопилой. Зачастую они не могут удержать в руках миску с рисом, а о том, чтобы что-то написать, и говорить нечего.

– Разрешите вам помочь? – предложила Е и взяла у Бая перо.

– У вас такой красивый почерк, – сказал журналист, взглянув на первый ряд написанных ею иероглифов. Он налил Е стакан воды, при этом руки его тряслись так, что он пролил воду. Е успела отдернуть письмо.

– Вы изучали физику? – спросил Бай.

– Астрофизику. – Е даже не подняла головы. – Кому она теперь нужна...

– Вы изучаете звезды. Разве это может когда-нибудь стать бесполезным занятием? Университеты сейчас открываются заново, но в них нет магистратуры. Посылать на лесоповал таких высокообразованных специалистов, как вы...

Е молча продолжала писать. Ни к чему растолковывать Баю, что для такого человека, как она, попасть в Корпус было величайшей удачей. О своей жизни Е предпочитала не распространяться.

В хижине стало тихо, слышался только шорох пера по бумаге. Е ощущала свежий аромат древесных опилок на одежде Бая. Впервые после смерти отца сердце ее согрелось, и она позволила себе расслабиться, на некоторое время забыв о своей вечной настороженности против всего мира.

Через час все было готово. Е написала на конверте адрес под диктовку Бая и поднялась. Пора прощаться.

Около двери она оглянулась.

– Дайте мне вашу куртку. Я ее постираю. – Е сама поразилась собственной дерзости.

– Что вы, как можно! – Бай потряс головой. – Женщины-бойцы Корпуса работают так же тяжело, как и мужчины. Идите к себе, отдыхайте, вам же утром вставать в шесть! Послушайте, Вэньцзе, послезавтра я возвращаюсь в управление дивизии. Я расскажу о вашем положении руководству. Может, смогу чем-нибудь помочь.

– Спасибо. Но мне и так хорошо. Здесь тихо. – Е взглянула в окно, где виднелся лес, залитый светом луны.

– Вы от чего-то скрываетесь?

– До свидания, – тихо проговорила Е. И ушла.

Бай смотрел, как ее тонкий силуэт растворяется в лунном свете. Затем поднял взгляд на темный лес, на который только что смотрела Е.

Вдали, на вершине Радарного Пика, возвышалась, отливая холодным металлическим блеском, гигантская антенна.

* * *

Как-то вечером недели через три Е Вэньцзе вызвали из лесного лагеря в штаб отряда. Едва переступив порог, она почуяла неладное. Кроме обоих начальников – командира отряда

и политического руководителя – здесь присутствовал еще и какой-то незнакомец с суровым лицом. На столе перед ним лежали черный портфель, конверт и книга. Конверт был открыт, а книга оказалась экземпляром «Безмолвной весны».

В те годы у каждого выработалось особое чутье на беду, грозящую со стороны властей. У Е Вэньцзе оно было исключительно острым. Сейчас ей показалось, будто мир вокруг нее стягивается, словно мешок, и душит.

– Е Вэньцзе, это руководитель Чжан из Политуправления дивизии. Он прибыл, чтобы провести расследование. – Политрук указал на чужака. – Мы надеемся на твое сотрудничество и полную откровенность.

– Скажите, это вы писали? – спросил Чжан и вытащил из конверта письмо. Е потянулась за ним, но Чжан отвел руку с письмом. Он стал показывать ей страницу за страницей, пока не дошел до последней, которую Е ждала с особым волнением.

Вместо подписи здесь значилось: «Революционные массы».

– Нет, это не я писала. – Вэньцзе помотала головой. Ей стало страшно.

– Но это ваш почерк.

– Да, но я переписала письмо для другого человека.

– Для кого?

Обычно, столкнувшись с несправедливостью, Е избегала открытой конфронтации, страдала молча и старалась не втягивать других в свои проблемы. Но сейчас было совсем другое дело. Она очень хорошо понимала, *что* ей угрожает.

– Я помогла корреспонденту газеты «Новости Великой стройки». Он был здесь несколько недель назад. Его звали...

– Е Вэньцзе! – Глаза Чжана уставились на нее, словно два пушечных дула. – Предупреждаю: не пытайтесь подставить других, это лишь осложнит ваше положение. Мы уже все прояснили с товарищем Бай Мулинем. Он лишь отправил письмо из Хух-Хото по вашей просьбе. Он понятия не имел о его содержании.

– Он... он так сказал? – У Е потемнело в глазах.

Вместо ответа Чжан взял со стола книгу.

– Вы написали письмо, без сомнения, под влиянием этой книги. – Он продемонстрировал томик командиру отряда и политруку. – «Безмолвная весна» была опубликована в Америке в 1962 году и пользуется значительным влиянием на капиталистическом Западе.

Он вынул из портфеля другую книгу – в белой обложке с черными иероглифами.

– Вот перевод на китайский. Руководство распространило его в закрытом кругу избранных товарищей, чтобы они могли дать справедливую критическую оценку. На данный момент руководство уже определило свое отношение к этой книге. Это пропаганда, ядовитая и вредоносная, насквозь проникнутая историческим идеализмом и проповедующая теорию конца света. Переводя стрелки на проблемы окружающей среды, она пытается отвести массам глаза, чтобы трудящиеся не видели, как загнивает капиталистическое общество. Содержание ее крайне реакционно.

– Но эта книга... она не моя...

– Руководство уполномочило товарища Бая сделать перевод. Так что он имел полное право носить с собой эту книгу. Безусловно, он отвечает за то, что недосмотрел и позволил вам украсть ее, пока он принимал участие в работах Корпуса. Вы почерпнули в этой книге интеллектуальное оружие, которое можно использовать в нападках на социализм!

Е Вэньцзе прикусила язык. Она понимала, что упала на дно пропасти. Бороться бесполезно.

* * *

Вопреки утверждениям в последующих исторических публикациях, Бай Мулинь поначалу не собирался подставлять Е Вэньцзе. Письмо, которое он написал в Пекин, было продиктовано искренним чувством ответственности. В те времена многие обращались к центральному руководству за решением самых разных, в том числе и личных проблем. Большинство писем оставалось без ответа, но для некоторых авторов последствия были значительны: одни стремительно взмывали в зенит политического небосклона, для других дело оборачивалось катастрофой. Будучи журналистом, Бай рассчитывал, что ему удастся попасть в струю и при этом избежать подводных камней, однако переоценил свои силы. Его письмо угодило на минное поле, о существовании которого он даже не подозревал. Страх в Бае перевесил порядочность, и, чтобы защитить себя, журналист пожертвовал Е Вэньцзе.

Спустя полвека исследователи сошлись на том, что это событие, произошедшее в 1969 году, изменило течение истории.

Бай совершенно случайно стал ключевой исторической фигурой, но он об этом так никогда и не узнал. Историки с разочарованием повествуют о его дальнейшей, ничем не примечательной жизни. Он трудился в «Новостях Великой стройки» до 1975 года, когда Производственно-строительный корпус Внутренней Монголии был распущен. Потом его послали работать при Объединении научных работников одного из городов северо-восточного Китая. В начале восьмидесятых он покинул Китай и уехал в Канаду, где преподавал в китайской школе в Оттаве. Умер Бай Мулинь в 1991 году от рака легких. За всю свою жизнь он ни разу не упомянул о Е Вэньцзе, и остается неизвестным, ощущал ли он какое-либо раскаяние или укоры совести за свое предательство.

* * *

– Вэньцзе, в отряде к тебе отнеслись очень по-доброму. – Командир выдохнул густой клуб табачного дыма. Уставив взгляд в пол, он продолжил: – Происхождение у тебя подкачало. Но мы всегда смотрели на тебя как на одного из нас. И политрук, и я много раз беседовали с тобой, предупреждали, что нехорошо отделяться от людей, ставили на вид твою безынициативность и нежелание самосовершенствоваться. Мы искренне хотим тебе помочь. А ты что? Совершаешь такой серьезнейший проступок!

– Я всегда говорил, – подхватил политрук, – что она глубоко ненавидит «культурную революцию»!

– Сегодня же вечером отправьте ее в штаб дивизии вместе с доказательством ее преступления, – сказал руководитель Чжан с бесстрастным лицом.

* * *

Трех других сокамерниц Е забрали одну за другой; она осталась одна. Уголь, сваленный около стенки кучкой, закончился, но никто не пришел и не пополнил запасы. Огонь в печи давно угас. В камере царил холод, и Е куталась в одеяло.

Еще до наступления темноты ее навестили два ответственных товарища. Старшую, женщину средних лет, ее спутник назвал военным представителем народного суда средней ступени¹⁰.

¹⁰ На этой стадии «культурной революции» большинство народных судов средней и высшей ступени и органы прокуратуры

– Меня зовут Чэн Лихуа, – представилась она. Лет сорока с небольшим; военная форма, очки в толстой оправе. Черты лица утонченные – видимо, в молодости женщина была очень красива. Улыбчивая, она сразу располагала к себе. Е понимала, что для такого высокопоставленного лица навещать заключенного, ожидающего суда, – дело не совсем обычное. Вэньцзе осторожно кивнула Чэн и подвинулась на узкой койке, чтобы та могла присесть.

– Здесь очень холодно. Почему печка не горит? – Чэн бросила осуждающий взгляд на начальника исправительного центра, оставшегося у двери, и повернулась обратно к Е. – Хм, а вы очень молоды. Гораздо моложе, чем я ожидала.

Она опустила на койку рядом с Е и принялась копаться в своем портфеле, продолжая бормотать:

– Вэньцзе, ты растерянна. Молодежь везде одинакова. Чем больше читаете, тем больше у вас путаница в мозгах. М-да, что тут скажешь...

Наконец она нашла, что искала, и вытащила небольшую стопку бумаг. При взгляде на Е глаза ее наполнились добротой и пониманием.

– Ну да невелика беда. Кто из молодых не совершал ошибок? Я сама такого наворотила... В молодости я была членом творческой бригады при Четвертой армии, пела советские песни. Однажды во время политинформации я ляпнула, что Китаю нужно отказаться от суверенитета и присоединиться к Советскому Союзу на правах союзной республики. Тогда, мол, коммунистический интернационал станет еще сильнее. Как же наивна я была! А кто из нас не был когда-нибудь наивен? Ладно, что сделано, то сделано. Совершив ошибку, важно признать ее и исправить. И вернуться в революцию.

Слова Чэн согрели сердце Вэньцзе. Однако после всего, что ей довелось пережить, она научилась осторожности. Е не отваживалась поверить в чью-либо доброту. Доброта казалась чуть ли не роскошью.

Чэн положила стопку бумаг на постель перед Е и протянула ей ручку.

– Вот, подпиши это. Тогда мы сможем поговорить по душам и преодолеть твои идеологические затруднения. – Она говорила, словно мать, уговаривающая дочку поесть.

Е безмолвно и недвижно смотрела на бумаги. Ручку она не взяла.

Чэн понимающе улыбнулась:

– Ты можешь доверять мне, Вэньцзе. Даю личную гарантию, что этот документ не имеет никакого отношения к твоему делу. Давай, подписывай.

Ее спутник, до сих пор не вмешивавшийся в разговор, строго сказал:

– Е Вэньцзе, представитель Чэн пытается помочь тебе. Ради тебя она проделала огромную работу!

Чэн жестом остановила его.

– Это можно понять. Бедный ребенок! Ты так напугана. Есть товарищи, политическая сознательность которых не на высоте. Некоторые члены Строительного корпуса и кое-кто из народного суда используют слишком грубые методы и ведут себя недостойно. Это никуда не годится! Хорошо, Вэньцзе, почему бы тебе не прочитать документ? Читай, да повнимательнее.

Е взяла бумаги и начала перелистывать их в тусклом свете камерной лампочки. Представитель Чэн не лгала. Документ и правда не имел отношения к ее делу.

Он касался ее отца. В нем излагались его поступки и беседы с разными людьми. Источником информации служила ее младшая сестра, Вэньсюэ. Будучи ярой хунвэйбинкой, она активно «разоблачала» отца, сочиняя бесчисленные доносы с детальным описанием его грехов, что в конечном итоге способствовало его гибели.

Но Е сразу определила, что этот документ написан не ее сестрой. Вэньсюэ была человеком эмоциональным. При чтении ее рапортов создавалось впечатление, будто каждая строка – словно удар хлыста, взрыв петарды. Но этот донос был написан холодной, опытной, аккуратной рукой. Кто с кем говорил, когда, где, что обсуждалось – каждая подробность, каждая дата были точно зафиксированы. На первый взгляд документ был похож на скучный и дотошный канцелярский доклад, однако холодный расчет, скрывавшийся за изложенными сведениями, был совершенно нехарактерен для полудетских сочинений Вэньсюэ.

Е не совсем понимала, о чем в точности говорилось в документе, но подозревала, что дело касается какого-то важного оборонного проекта. Будучи дочерью физика, Е догадывалась, что речь идет о «проекте двух бомб»¹¹, информация о котором потрясла мир в 1964 и 1967 годах.

Это была обычная практика в те времена: чтобы низвергнуть какое-нибудь высокопоставленное лицо, необходимо было собрать доказательства его несостоятельности во всех делах, которыми заправлял этот человек. Однако тем, кто задумывал подобные политические махинации, подобраться к «проекту двух бомб» было затруднительно. Люди из самых высоких правительственных кругов взяли проект под свою опеку, чтобы защитить его от нападок приверженцев «культурной революции». Пробраться в эти круги недоброжелателям было очень и очень сложно.

Происхождение отца Вэньцзе не позволило ему принять непосредственное участие в «проекте двух бомб». Все, что он сделал для него, – это некоторые периферийные теоретические исследования. Зато очертить Е Чжэтая было гораздо проще, чем тех, кто работал внутри проекта. Е не могла судить о том, правда или ложь то, что написано в докладе, но не сомневалась, что каждый иероглиф, даже каждый знак препинания наносил ее отцу сокрушительный политический удар. Кроме тех, кого этот документ касался напрямую, его жертвами могли стать и многие другие.

В конце доклада красовались большие иероглифы – подпись ее сестры, а Е Вэньцзе должна была подписаться в качестве свидетеля. Она заметила, что там уже стояли подписи трех других свидетелей.

– Мне ничего не известно об этих разговорах, – тихо сказала Е. Она положила бумаги обратно на постель.

– Как это – тебе неизвестно? Многие из этих разговоров происходили в вашем доме! Твоей сестре известно. Тебе должно быть тоже!

– Я правда ничего не знаю.

– Но ведь эти разговоры действительно происходили! Неужели ты нам не веришь?

– Я не говорю, что их не было. Я говорю, что ничего о них не знаю. Я не могу это подписать.

– Е Вэньцзе! – Спутник Чэн шагнул вперед, но Чэн вновь остановила его. Она под села ближе к Е и взяла ее холодную руку в свои.

– Вэньцзе, смотри – я выкладываю все карты на стол. Твое дело можно интерпретировать по-разному. В одном случае мы могли бы приуменьшить твое преступление и свести его к проступку, совершенному молодым, неопытным человеком, одураченным реакционной книжонкой. Можно было бы даже обойтись без суда. Тебя обязали бы ходить на уроки политпросвещения и написать пару самокритичных эссе, после чего ты вернулась бы обратно в Корпус. В другом случае мы могли бы дать твоему делу широкий ход. Вэньцзе, ты должна понимать, что тебя можно объявить активным контрреволюционером. В таких политических делах, как твое, прокуратура и суд склонны относиться к подсудимым суровее, чем необходимо. Потому что чересчур строгое обращение можно списать на чрезмерное усердие, тогда как слишком

¹¹ Таким термином обозначали проекты «596» и «Тест № 6» – успешные испытания китайской атомной и термоядерной бомб соответственно. – *Прим. перев.*

мягкое – это уже политический просчет. В любом случае решение остается за военной комиссией. Разумеется, все это я говорю тебе совершенно неофициально.

Спутник Чэн добавил:

– Представитель Чэн пытается спасти тебя. Трое свидетелей уже подписались. Отказываться бессмысленно. Я настоятельно советую тебе не упрямиться, Е Вэньцзе.

– Да, Вэньцзе, – согласилась Чэн. – Видеть, как образованная молодая женщина сама разрушает себе жизнь, – мое сердце этого не перенесет. Я действительно хочу спасти тебя. Пожалуйста, не запирайся. Посмотри на меня. Ты считаешь, я способна причинить тебе вред?

Но Е не стала смотреть на Чэн. Перед ее мысленным взором стоял образ отца, истекающего кровью.

– Представитель Чэн, я ничего не знаю о разговорах, описанных в этом документе. Я не могу его подписать.

Чэн умолкла и уставилась на Е долгим, пристальным взглядом. И без того холодный воздух камеры, казалось, начал превращаться в лед. Затем гостья медленно положила бумаги обратно в портфель и встала. Доброе выражение с ее лица не исчезло, оно, по-видимому, приклеилось к нему, как гипсовая маска. Все с тем же мягким и понимающим видом Чэн прошагала в угол камеры, где стояло ведро для умывания, подняла его и спокойными, расчетливыми движениями вылила половину воды на Е, а остальное – на ее одеяло, после чего бросила ведро на пол и вышла из камеры, задержавшись лишь для того, чтобы пробормотать: «Ах ты упрямая тварь!»

Начальник исправительного центра ушел последним. Он пронзил Е, с которой капала вода, холодным взглядом, потом с грохотом захлопнул дверь и запер замок.

Суровый ветер Внутренней Монголии сжал мокрую и дрожащую Е в своем кулаке. Она слышала, как стучат ее зубы, но в конце концов замер и этот звук. Холод прохватил Вэньцзе до костей, и ее взор затянуло молочно-белой пеленой. Казалось, будто вся Вселенная – огромный кусок льда, и она, Вэньцзе – единственная искорка жизни в ней. Она была маленькой девочкой на грани смерти от холода, и у нее не было даже пары спичек, одни иллюзии...

Постепенно ледяной монолит, заключивший ее, стал прозрачным. Вэньцзе различила перед собой высокое здание. На самом верху какая-то девочка размахивала красным знаменем. Ее тонкая фигурка казалась совсем крошечной по сравнению с огромным полотнищем. Это была Вэньсюэ. С того момента, когда сестра порвала со своей семьей ученых реакционеров, она не давала о себе знать. Совсем недавно Вэньцзе сказали, что Вэньсюэ погибла два года назад в одной из стычек между фракциями хунвэйбинов.

На глазах у Е фигурка, размахивающая флагом, превратилась в Бай Мулия. В его очках отразился охвативший здание огонь. Затем Бай превратился в представителя Чэн, потом в мать Е, Шао Линь, потом в отца. Девочка со знаменем продолжала преображаться, но флаг реял и реял, не переставая, будто вечный маятник, отсчитывающий мгновения ее короткой жизни.

Вскоре флаг превратился в размытое пятно. Все вокруг словно вылиняло. Вэньцзе вновь застыла в самой сердцевине ледяного монолита, заполнявшего Вселенную. Только на этот раз лед был черным.

Глава 3

«Красный берег» I

Е Вэньцзе разбудил громкий, непрерывный гул. Сколько же времени прошло?

Гремело со всех сторон. Не до конца пришедшей в себя Вэньцзе представилась гигантская пила, разрезающая сковавшую ее ледяную глыбу. Вселенную по-прежнему заливала тьма, но звук становился все более и более реальным. В конце концов Е решила, что он исходит не из рая или ада. Она по-прежнему в мире живых.

Е осознала, что глаза ее все еще закрыты. Она с трудом подняла веки, и первым, что увидела, была лампочка в глубокой выемке в потолке, тускло светящаяся сквозь защитную проволочную сетку. Потолок, похоже, металлический?..

Е услышала мужской голос, тихо зовущий ее по имени.

– У вас жар, – сказал мужчина.

– Где я? – Голос Вэньцзе был так слаб, что она не была уверена, чей он – ее или кого-то другого.

– В вертолете.

Слабость охватила Вэньцзе, и, невзирая на рев двигателя, она задремала, но вскоре снова проснулась. Онемение прошло и уступило место боли. Голова и все тело ныли, дыхание, вырывавшееся изо рта, казалось обжигающе горячим. Горло саднило, и когда Е сглатывала, ощущение было, будто в гортани застрял раскаленный уголек.

Вэньцзе повернула голову и увидела двоих мужчин в расстегнутых шинелях наподобие той, в которой ходила представитель Чэн. Но в отличие от Чэн на обоих были фуражки Народно-освободительной армии с красной звездой над козырьком. Под шинелями Е разглядела военную форму и красные петлицы со знаками различия. Один мужчина носил очки.

Е обнаружила, что ее тоже укрыли шинелью. Одежда на ней была теплая и сухая.

Она попыталась сесть, и, к ее удивлению, ей это удалось. Выглянув в иллюминатор, она увидела медленно проплывающие мимо облака, озаренные ослепительным солнечным светом. Е окинула взглядом тесную кабину, заставленную железными ящиками защитного зеленого цвета. В другом иллюминаторе мелькали тени от винтов. Значит, она действительно в вертолете.

– Лучше бы вам пока не вставать, – сказал мужчина в очках. Он помог ей лечь и снова прикрыл шинелью.

– Е Вэньцзе, эту статью написали вы?

Другой мужчина раскрыл перед ее глазами журнал на английском языке. Заголовок статьи гласил: «О возможности существования фазовых границ внутри солнечной зоны лучистого переноса и их отражательных характеристиках». Собеседник показал Е обложку. Это был выпуск «Астрофизического журнала» за 1966 год.

– Конечно, она. К чему излишние вопросы? – Мужчина в очках забрал журнал и перешел к знакомству: – Это политический комиссар базы «Красный берег» Лэй Чжичэн. Меня зовут Ян Вэйнин, я главный инженер базы. Мы приземлимся через час. А пока отдыхайте.

«Так вот ты кто – Ян Вэйнин!..» Е была поражена, но не выдала этого ни единым звуком. Лицо Вэйнина сохраняло бесстрастность – наверно, он не хотел, чтобы кто-нибудь узнал об их знакомстве. А они были знакомы. Ян проходил магистратуру у Е Чжэтая. Когда он получал диплом, Вэньцзе училась на первом курсе.

Она отчетливо помнила первый приход Яна к ним домой. Он только-только начал учиться в магистратуре, и ему требовалось обсудить с профессором направление исследований. Ян заявил, что хотел бы сосредоточиться на проблемах экспериментальной и прикладной науки. Теория его не привлекала.

Е Вэньцзе вспомнила, как отец сказал ему:

– Не стану разубеждать вас. Но все же у нас отделение теоретической физики. Почему вы не хотите заниматься теорией?

– Потому что таковы веяния времени, – ответил Ян. – Я хочу принести обществу практическую пользу.

Отец возразил:

– Теория – это основа практики. Разве исследование фундаментальных законов природы не принесет обществу самую большую практическую пользу?

Ян помедлил, а затем раскрыл истинную причину своего нежелания:

– В теории легко наделать идеологических ошибок.

На это отцу Вэньцзе было нечего возразить.

Ян был талантлив, имел хорошую математическую подготовку и острый ум. Но на всем протяжении учебы в магистратуре он держался на некотором расстоянии от своего научного руководителя. Е Вэньцзе видела Яна несколько раз, однако не обращала на него особого внимания. А он – обращал ли он внимание на нее? Этого она не знала. Вскоре после получения диплома Ян прекратил всякие отношения с ее отцом.

Снова накатила слабость. Е закрыла глаза. Спутники отошли и, присев за ящиками, продолжали негромко беседовать. Правда, кабина была так тесна, что Е слышала их даже сквозь грохот двигателя.

– Мне по-прежнему не нравится эта затея, – сказал комиссар Лэй.

– Вы можете найти мне специалиста через обычные каналы? – спросил Ян.

– Ну... Я сделал все, что мог. В армии нет никого с такой специальностью, а если начать искать за ее пределами, это может вызвать много кривотолков. Вы же знаете – уровень безопасности нашего проекта требует, чтобы сотрудник поступил на военную службу. Но это еще не самое страшное. Согласно тем же требованиям безопасности, этот сотрудник будет очень долго находиться на базе в изоляции от окружающего мира. А если у него семья? Ее тоже запирают здесь? Да никто на это не пойдет! Я нашел двоих подходящих кандидатов, но они охотнее останутся в своих школах кадров имени Седьмого мая¹², чем приедут сюда. Конечно, мы могли бы принудить их, но характер нашей деятельности таков, что лучше, когда ученые работают с полной отдачей, а значит, добровольно.

– Тогда другого выхода нет, придется использовать Е Вэньцзе.

– Да, но это так из ряда вон...

– Весь этот проект из ряда вон. Если что-то пойдет не так, я возьму ответственность на себя.

– Инженер Ян, вы вправду полагаете, что такая ответственность вам по плечу? Вы технарь, а «Красный берег» совсем не такой, как другие оборонные проекты. Проблемы, которые он призван решить, выходят далеко за рамки чисто технических.

– Вы правы, но я умею решать только технические.

* * *

Приземлялись они уже в сумерках.

Е отвергла помощь мужчин и выбралась из вертолета самостоятельно. Сильным порывом ветра ее едва не сбило с ног. Все еще крутящиеся лопасти с громким свистом рассекали воздух. Запах деревьев, принесенный ветром, был ей знаком, как, впрочем, и сам ветер. Ветер гор Большого Хингана.

¹² Во времена «культурной революции» школы кадров имени Седьмого мая представляли собой трудовые лагеря, в которых служащие и интеллигенция находились на «перевоспитании». – *Прим. К. Л.*

Вскоре Е услышала другой звук – тихий, низкий, мощный. Казалось, будто вибрирует само мироздание. Это гудела на ветру параболическая антенна. Только сейчас, очутившись к ней вплотную, Вэньцзе осознала масштабы этого сооружения. Итак, жизнь сделала резкий поворот: Е стояла на вершине Радарного Пика.

Она не удержалась и посмотрела туда, где, по ее предположению, находился отряд Корпуса, в котором она работала, но увидела лишь необъятное лесное море, окутанное сумеречным туманом.

Е Вэньцзе была не единственным грузом вертолета. Пришли несколько солдат и начали разгружать ящики, сложенные в кабине. Они сновали туда-сюда, не глядя на Е.

Идя за Яном и Лэем, Вэньцзе отметила, что вершина Радарного Пика представляет собой обширную площадку. Несколько белых строений сгрудились под гигантской антенной, словно детские кубики. Подойдя к воротам базы, охраняемым двумя часовыми, прибывшие остановились.

Лэй повернулся к Вэньцзе и торжественно проговорил:

– Е Вэньцзе, доказательства вашей контрреволюционной деятельности неоспоримы, и суд наказал бы вас по всей строгости закона. Но сейчас вам предоставляется отличная возможность упорным трудом искупить свои преступления. Вы вправе принять или отвергнуть наше предложение. – Он указал на антенну. – Это научный центр министерства обороны. Для исследований, которые здесь проводятся, необходим специалист вашего профиля. Главный инженер Ян посвятит вас в детали. Советую вам все тщательно взвесить.

Он кивнул Яну и, пропустив солдат, таскающих ящики, прошел на территорию базы.

Ян подождал, пока все уйдут, и отошел от ворот, дав знак Е следовать за ним. Очевидно, он не хотел, чтобы их разговор слышали часовые.

Перестав притворяться, будто они не знакомы, Ян сказал:

– Вэньцзе, послушайте меня. Вряд ли это можно назвать «отличной возможностью». В военной комиссии при суде я узнал, что, хотя Чэн Лихуа и просила о самом суровом наказании, вам грозит не больше десяти лет. Принимая во внимание смягчающие обстоятельства, вам пришлось бы отсидеть шесть, максимум семь лет. Тогда как здесь... – он кивнул на базу, – научно-исследовательский проект высшего уровня секретности. Ваше положение таково, что если вы войдете в эти ворота, то, может статься... – он помолчал, словно давая низкому гулу антенны подчеркнуть важность его слов, – не выйдете отсюда до конца жизни.

– Я хочу войти.

Ян удивился ее быстрому ответу.

– Не спешите. Вернитесь в вертолет. Через три часа он взлетит, и если вы откажетесь от нашего предложения, он доставит вас обратно.

– Я не хочу обратно. Пойдемте.

Голос Е оставался мягким, но в нем была слышна железная решимость. Помимо неизвестной страны по ту сторону смерти, из которой никто не возвращается, единственным местом, куда бы ей хотелось сейчас попасть, был этот пик, отрезанный от всего мира. Здесь Е чувствовала себя в безопасности – а это ощущение она уже позабыла.

– Не поступайте опрометчиво! Хорошенько подумайте, к чему может привести ваше решение.

– Я хочу остаться здесь до конца жизни.

Ян опустил голову и ничего не сказал, стоял потупившись, словно давая собеседнице возможность еще раз как следует все обдумать. Е тоже молчала. Она плотнее запахнулась в шинель и устремила взгляд вдаль, туда, где хребет Большой Хинган постепенно окутывался ночной мглой. Нет, дольше торчать на таком холоде нельзя.

Ян заспешил к воротам, как будто хотел убежать от Е. Но та не отставала. Они вошли внутрь, и тяжелые железные створки с лязгом закрылись за ними.

Пройдя немного в глубь территории, Ян остановился и указал на антенну:

– Это широкомасштабный военный и научный проект. Если мы добьемся успеха, атомная и водородная бомбы покажутся детскими игрушками.

Подойдя к самому большому строению базы, Ян толкнул дверь. Е прочитала надпись над входом: «Центр управления передачами». Они вошли. Е обьял теплый воздух, слегка отдающий машинным маслом. Обширный зал был уставлен разнообразным оборудованием. Повсюду мигали сигнальные лампочки и светились экраны осциллографов. Полтора десятка операторов, одетых в военную форму, сидели между рядами высоких консолей, словно солдаты в окопах на поле битвы. Беспрерывная череда оперативных запросов и подтверждений придавала обстановке особую напряженность. Е чуть растерялась.

– Здесь теплее. – Ян указал на стул у письменного стола рядом с дверью: – Подождите немного. Я распоряжусь, чтобы вам подготовили жилье, и вернусь.

Однако за столом уже кто-то сидел. Охранник с пистолетом.

– Я лучше подожду на улице, – сказала Е.

Ян мягко улыбнулся:

– С этого момента вы становитесь полноправным сотрудником базы и, за исключением особых зон, можете ходить где угодно. – На лице его вдруг появилось смущенное выражение, когда он осознал подспудный смысл своих слов: «Ты никогда не выйдешь отсюда».

– Я лучше подожду на улице, – упрямо повторила Е.

– Ну хорошо. – Ян посмотрел на охранника у стола, который не обращал на них никакого внимания. По-видимому, поняв беспокойство своей спутницы, Ян вывел ее наружу. – Спрячьтесь здесь где-нибудь от ветра, я вернусь через пару минут. Распоряжусь, чтобы в вашей комнате затопили печь – условия на базе суровые, у нас нет центрального отопления.

Е встала около двери Центра управления. Громадная антенна возвышалась у нее за спиной, закрывая половину небосвода. Отсюда Вэньцзе было хорошо слышно все, что происходило внутри. Внезапно поток команд и подтверждений прекратился и повисла тишина, лишь иногда прерываемая тихим гудением какого-нибудь прибора.

Затем раздался громкий мужской голос:

– Народно-освободительная армия, Второй артиллерийский корпус¹³, проект «Красный берег», передача номер сто сорок семь. Доступ подтвержден. Готовность тридцать секунд.

– Классификация цели: А-три. Порядковый номер в системе координат: BN20197F. Позиция проверена и подтверждена. Двадцать пять секунд.

– Номер передаваемой командной последовательности: двадцать два. Дополнения: отсутствуют. Продолжения: отсутствуют. Конечная проверка передаваемой командной последовательности завершена. Двадцать секунд.

– Энергетический блок: все системы в норме.

– Блок кодирования: все системы в норме.

– Усилительный блок: все системы в норме.

– Блок слежения за помехами: в приемлемом диапазоне.

– Точка невозврата пройдена. Пятнадцать секунд.

Снова стало тихо. Через пятнадцать секунд взревела сирена, наверху антенны быстро замигал красный сигнальный огонь.

– Начать передачу! Всем подразделениям продолжать запись режимов работы!

Е почувствовала на лице легкий зуд. Она поняла, что вокруг антенны образовалось мощное электрическое поле. Устремив взгляд в том направлении, куда указывала антенна, Е увидела в ночном небе облако, светящееся слабым голубым светом – настолько слабым, что пона-

¹³ В ведении Второго артиллерийского корпуса находятся китайские ядерные ракеты. – Прим. К. Л.

чалу она подумала, что ей это кажется. Но облако уплыло, и свечение исчезло, а когда на это место пришло другое облако, оно тоже начало тускло светиться.

Из Центра донеслось:

- Неисправность в энергетическом блоке! Магнетрон номер три вышел из строя.
- Резервный блок подключен, все системы в норме.
- Контрольная точка номер один достигнута. Возобновление передачи.

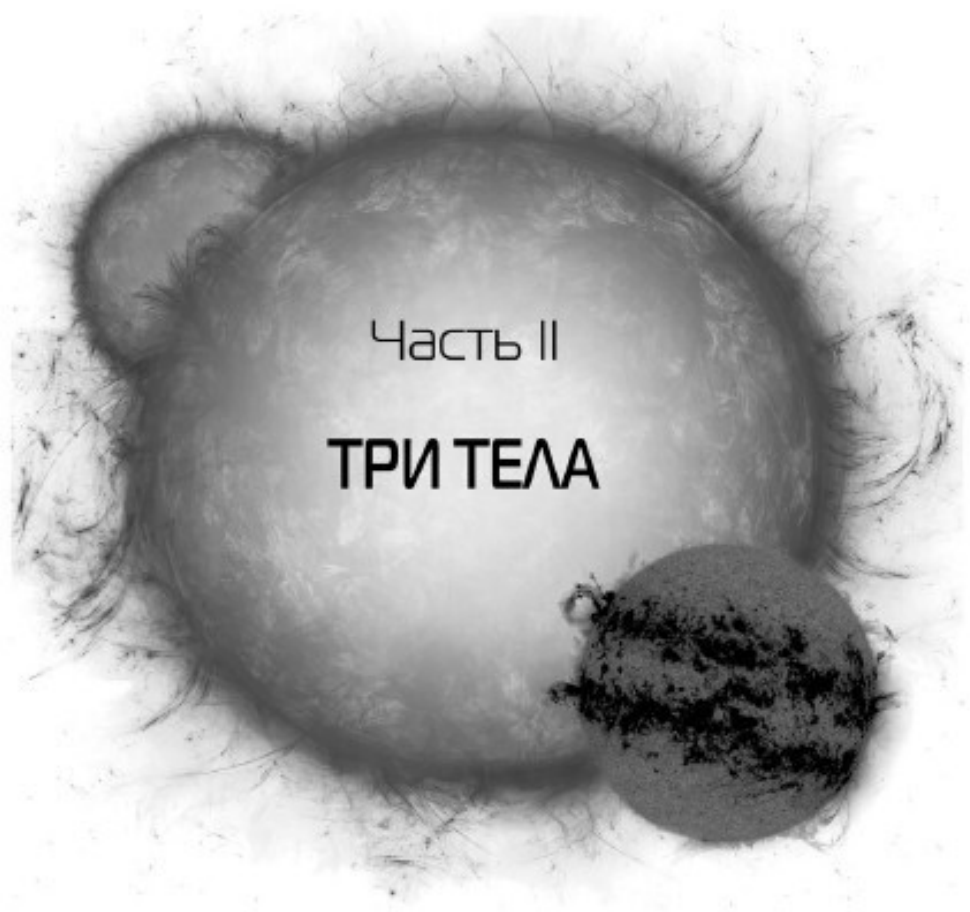
Е услышала шум хлопающих крыльев. Сквозь клубящийся внизу туман она различила множество взмывающих в темное небо теней. Удивительно, сколько птиц, оказывается, скрывает в себе зимний лес! И тут она увидела нечто ужасающее: одна стайка залетела в область излучения антенны – и птицы посыпались на землю, мертвые.

Передача продолжалась около пятнадцати минут. Затем красный огонь на антенне погас, и лицо Е перестало зудеть. В Центре управления возобновилась переключка команд и ответов, сквозь которую пробивался громкий мужской голос:

– Передача номер сто сорок семь с базы «Красный берег» завершена. Отключить системы передатчика. «Красный берег» переходит в режим мониторинга. С этого момента системный контроль передается Отделу наблюдения. Просьба загрузить данные, полученные при прохождении контрольной точки. Всем подразделениям заполнить журналы передач. Начальникам подразделений собраться на совещание в конференц-зале. Работа закончена.

Вновь воцарилась тишина, только антенна пела на ветру. Оставшиеся в живых птицы постепенно возвращались в лес. Е взглянула вверх – громадная ладонь антенны тянулась к небу, источая космическую мощь. Но сколько Вэньцзе ни всматривалась, она так и не обнаружила никакого объекта, с которым можно было соотнести порядковый номер BN20197F. В холодном ночном небе зимы 1969 года Е Вэньцзе видела лишь облака и бесчисленные звезды.

Часть II Три тела

Глава 4

«Рубежи науки»

Сорок с небольшим лет спустя

Ван Мяо решил, что четверо мужчин, пришедших к нему, составляют прелюбопытную комбинацию: двое полицейских и двое в военной форме. Если бы последние были из вооруженной полиции, это еще можно было бы понять, но они и правда являлись офицерами армии.

При виде полицейских Ван почувствовал раздражение. Нет, с тем, что помоложе, все в порядке; он хотя бы ведет себя вежливо. Зато тот, что постарше, в гражданском, сразу вызвал у Вана неприязнь. Это был плотного телосложения мужчина с мясистым лицом. Одетый в засаленную кожаную куртку, воняющий табачищем и громогласный, он относился к тому разряду людей, которых Ван презирал.

– Ван Мяо?

От такого бесцеремонного обращения¹⁴ Вана покорило. При этом полицейский прикуривал, не соизволив даже поднять голову, отчего Ван почувствовал себя оскорбленным еще сильнее. Не дожидаясь ответа, толстомордый кивнул младшему коллеге. Тот показал Вану свой значок.

Закурив, старший собрался войти в квартиру.

– Я попросил бы у меня не курить, – сказал Ван, заступая дорогу.

– Просим прощения, профессор Ван, – смущенно улыбнулся младший офицер. – Это капитан Ши Цян. – Он послал коллеге умоляющий взгляд.

– Ладно, можно поговорить и в коридоре, – сказал Ши, глубоко затянувшись. Почти половина сигареты обратилась в пепел, при этом полицейский выдохнул очень мало дыма. Он кивнул молодому: – Давай, спрашивай.

– Профессор Ван, – сказал тот, – нам хотелось бы знать, вступали ли вы в последнее время в какие-либо контакты с членами общества «Рубежи науки»?

– В «Рубежах науки» состоят многие знаменитые ученые, и оно очень влиятельно. Почему это мне вдруг нельзя вступать в контакт с легальным международным научным обществом?

– Послушай только, что он несет, – буркнул Ши. – Мы что, сказали, что оно нелегальное? Или что вам нельзя вступать с ним в контакт? – Он наконец выдохнул огромный клуб дыма прямо в лицо Ван Мяо.

– Хорошо. Тогда вот что: мои контакты – мое личное дело, и попрошу вас не вмешиваться. Я не обязан отвечать на ваши вопросы.

– Личное дело? Вы научный работник. У вас есть обязанности по отношению к народу, который вас кормит. – Ши отбросил окурок и вытащил новую сигарету из мятой полупустой пачки.

– Я имею право не отвечать. Будьте добры, уйдите. – Ван повернулся, чтобы уйти к себе.

– Подождите! – выкрикнул Ши и махнул рукой молодому. – Дай ему адрес и номер телефона. – Затем обратился к Вану: – Совещание сегодня после обеда.

– Что вам, собственно, нужно? – спросил Ван; в его голосе уже начали пробиваться нотки гнева. Привлеченные шумом, в коридор стали выглядывать соседи.

¹⁴ У китайцев при обращении к незнакомым и малознакомым людям принято употреблять какой-нибудь титул: «профессор Ван», «инженер Ян». – *Прим. перев.*

– Капитан Ши! Вы же обещали, что вы... – Молодой полицейский отвел начальство в сторону и торопливо заговорил приглушенным голосом. Похоже, дурные манеры Ши раздражали не только Вана.

– Профессор Ван, пожалуйста, поймите нас правильно, – шагнув вперед, сказал один из военных, майор. – Сегодня после обеда состоится важное совещание, на которое приглашены несколько крупных ученых и специалистов. Генерал лично послал нас передать вам приглашение.

– После обеда я занят.

– Мы знаем. Генерал уже переговорил с главой Исследовательского института нанотехнологий. Без вас это совещание не имеет смысла. Если вы не можете в нем участвовать, мы перенесем его на удобное время.

Ши и его напарник, не добавив ни слова, повернулись и пошли вниз по лестнице. Оба военных смотрели им вслед с явным облегчением.

– Почему он так себя ведет? – обратился майор к своему коллеге.

– Да он всегда такой. У него, кстати, не досье, а что-то невероятное. Пару лет назад, в эпизоде с заложниками, он действовал опрометчиво, не задумываясь над судьбой заложников. В результате от рук преступников погибла целая семья, три человека. Ходят слухи, что он и с некоторыми мафиози якшается, использует эту дружбу, чтобы стравливать банды между собой. В прошлом году избил подозреваемого на допросе, тот теперь инвалид на всю жизнь. Из-за этого его на время отстранили от службы...

Ван Мяо заподозрил, что этот разговор между офицерами был специально предназначен для его ушей. Наверно, хотели, чтобы он понял, как сильно они отличаются от этого грубияна. А может, хотели подстегнуть интерес Вана к их миссии.

– И такой тип принимает участие в работе Боевого командного центра? – удивился майор.

– Его сам генерал привлек. Вероятно, он обладает какими-то особыми навыками. В любом случае, его обязанности строго определены, он занимается только вопросами общественной безопасности, а больше ему знать не положено.

«Боевой командный центр?» – Ван уставился на военных, онемев от изумления.

* * *

Машина, которую военные прислали за Ван Мяо, доставила его к большому зданию на окраине города. Поскольку на двери был только номер и никакой таблички с названием учреждения, Ван пришел к выводу, что здание, скорее всего, принадлежит армии, а не полиции.

Когда Ван переступил порог конференц-зала, первое, что его поразило, – это царящий здесь хаос. Помещение было заставлено компьютерами. У организаторов не хватило столов, и они разместили несколько системных блоков на полу, опутанном электропроводами и сетевыми кабелями. Маршрутизаторы расставили как попало прямо на серверах. Повсюду валялась принтерная бумага. Несколько проекционных экранов неприкаянно торчали в углу. В помещении висело облако густого табачного дыма. Ван Мяо не был уверен, в самом ли деле он попал в Боевой командный центр, но одно он осознал четко: происходящее здесь настолько важно, что этим людям наплевать, как это все выглядит.

На большом столе, составленном из нескольких поменьше, кучами громоздились документы, валялась всякая всячина. Вид у собравшихся был усталый, одежда измята. Те, на ком были галстуки, ослабили узлы. Создавалось впечатление, будто эти люди не спали всю ночь.

Совещание возглавлял генерал-майор Чан Вэйсы; половину собравшихся составляли военные. Вану быстро представили всех, и оказалось, что здесь также присутствовало много полицейских. Остальные оказались учеными, как и сам Ван, причем некоторые были знаменитыми специалистами в различных областях фундаментальной науки.

Среди присутствующих оказалось четверо иностранцев. Ван поразился, узнав, кто они такие. Здесь были два представителя НАТО – полковник ВВС США и полковник британской армии – и два офицера ЦРУ, по всей видимости, наблюдатели.

На лицах всех сидящих за столом было одно и то же выражение: «Мы сделали все, что в наших силах, давайте поскорее покончим с этим, и пошло оно все к такой-то матери».

За столом Ван Мiao увидел Ши Цяна. Сегодня тот вел себя вежливее, чем накануне, – здороваясь с Ваном, назвал его «профессор». И все же высокомерная усмешка на лице Ши безмерно раздражала Вана. Ему не хотелось сидеть рядом с этим неотесанным мужланом, но выбора не было – единственное свободное место оставалось как раз около него. И без того густое облако дыма было тут еще плотнее.

Пока собравшимся раздавали документы, Ши придвинулся ближе к новому соседу.

– Профессор Ван, я слышал, вы разрабатываете этот, как его... наноматериал?

– Наноматериал, – поправил Ван.

– Ну да. Говорят, очень прочная штука. А как вы думаете, она может послужить орудием преступления? – На лице Ши по-прежнему застыла полуулыбка, так что Ван не мог понять, серьезен тот или шутит.

– Что вы имеете в виду?

– Ну... Я слышал, что на тоненькой нити из этого вещества можно поднять в воздух целый грузовик. А если оно попадет в руки преступников и они сделают из него нож – смогут они одним махом разрезать автомобиль?

– Для этого и нож делать не надо. Из наноматериала можно изготовить нить толщиной в одну сотую волоса. Если ее натянуть поперек шоссе, она разрежет проезжающий автомобиль на две половинки, словно сыр. Конечно, наноматериал можно использовать с преступными целями – а что нельзя? Убить можно и тупым ножом для чистки рыбы.

Ши наполовину вытащил документ из лежащего перед ним конверта, но сунул его обратно, внезапно потеряв интерес.

– Точно! Даже самую рыбу можно использовать как орудие преступления. Расследовал я как-то одно дело. Тетка отрезала своему мужу фамильные драгоценности. И знаете чем? Тилапией, которую достала из морозилки. У этой рыбки шипы на спине острые, как бритва...

– Простите, но мне неинтересно. Меня пригласили сюда, чтобы говорить об этом?

– О чем – об «этом»? О рыбе или наноматериалах? Ладно, ладно, вы здесь вовсе не для этого. – Ши придвинулся ближе и зашептал Вану в ухо: – Не церемоньтесь с этими типами. Они нас ни в грош не ставят. Все, чего им надо, – это выудить из нас всю информацию, а вот самим что-нибудь рассказать – шиш. Я, например, торчу тут уже месяц и по-прежнему ничего не знаю. В точности как вы.

– Товарищи, – проговорил генерал Чан Вэйси, – давайте приступим к делу. Из всех зон боевых действий на Земле эта – самая важная. Необходимо доложить всем присутствующим товарищам о последних изменениях в ситуации.

Не слишком обыденное выражение – «зона боевых действий», подумал Ван. Он заметил также, что генерал, очевидно, не собирается посвящать новичков вроде Вана в подробности происходящего. Это подтверждало слова Ши. И еще одна странность – в своем кратком вступлении генерал дважды употребил слово «товарищи». Ван взглянул на сидящих напротив представителей НАТО и ЦРУ. Генерал не посчитал нужным прибавить обращение «господа»...

– Они тоже товарищи. Здесь все так обращаются друг к другу, – прошептал Ши Вану, указывая на иностранцев кончиком сигареты.

Ван изумился – Ши прочитал его мысли! Да, этому человеку в наблюдательности не откажешь...

– Погаси сигарету, Да Ши. Тут и без нее нечем дышать, – сказал генерал, просматривая бумаги. Он назвал Ши Цяна дружеским прозвищем – «Старина Ши».

Полицейский оглянулся вокруг в поисках пепельницы и, так и не найдя, сунул сигарету в чашку с чаем. Затем вскинул руку и заговорил прежде, чем генерал предоставил ему слово:

– Генерал, у меня все тот же вопрос. Требую информационного паритета!

Генерал поднял голову.

– Информационный паритет при военной операции? Когда такое было? Вынужден извиниться перед уважаемыми учеными, но сказать больше того, что уже сказали, мы не можем.

– Мы не то же самое, что яйцеголовые, – настаивал Ши. – Полиция находится на службе у Боевого командного центра с момента его учреждения, а мы до сих пор не знаем, что к чему. Как использовать нас – так вы первые, а как что-то рассказать – так посылаете нас куда подальше!

Сразу несколько полицейских зашикали на него. Ван удивился: Ши осмеливается так говорить с генералом? Но ответная реплика Чана изумила его еще больше.

– Да Ши, похоже, у тебя все та же проблема, что и во время службы в армии. Ты считаешь, что имеешь право говорить от имени полиции? За все твои художества тебя отстранили от службы на несколько месяцев, а могли бы и вообще выгнать! Я взял тебя на работу в Центр, потому что высоко ценю твой опыт по части охраны правопорядка в городе. Поблагодарил бы лучше за такую возможность!

Но Ши и не думал рассыпаться в благодарностях.

– Ах вот как! Значит, по-вашему, я должен вкалывать как проклятый, чтобы заслужить прощение? А разве не вы говорили, будто все мои методы – грязные и нечестные?

– Зато действенные, – возразил Чан. – Для нас сейчас важно только, чтобы они работали. В военное время не до церемоний.

– Нам нельзя быть чересчур разборчивыми в средствах, – поддакнул офицер ЦРУ на превосходном китайском. – Обстоятельства таковы, что приходится мыслить и действовать нестандартно.

Британский полковник кивнул – он, очевидно, тоже знал китайский.

– Быть или не быть, – добавил он по-английски. – Это вопрос жизни и смерти.

– Что он говорит? – поинтересовался Ши у Вана.

– Неважно, – машинально ответил тот. Что за бред несут эти люди? «Военное время? Какая война, где?!» Ван повернулся к одному из высоких, от пола до потолка, окон. Там был залитый весенним солнцем Пекин: плотные потоки автомобилей текут по улицам, в скверике какой-то человек выгуливает собаку, играют детишки...

«Какой мир более реален – там, снаружи, или здесь, в этих стенах?»

Генерал Чан сказал:

– В последнее время враг усилил атаки. Его целью по-прежнему остаются самые выдающиеся представители науки. Будьте добры ознакомиться со списком имен в документе.

Ван взглянул на первую страницу, напечатанную крупным шрифтом. Список, похоже, составленный на скорую руку, содержал и китайские, и английские имена.

– Профессор Ван, вам знакомы какие-нибудь из этих имен? – спросил Чан.

– Мне известны три из них – все большие ученые, работающие на передовых рубежах физики. – Тут Ван чуть запнулся. Глаза его остановились на последнем имени. Эти два иероглифа по цвету отличались от других. «Она? В этом списке? Почему? Что с ней?!»

– Вы с ней знакомы? – Ши ткнул в имя толстым пальцем с желтым пятном от табака. Ван не ответил. – Ха! Не знакомы. Но очень хотели бы познакомиться, а?

Вот теперь Ван Мяо понял, почему генерал Чан взял к себе этого человека, который когда-то служил у него простым солдатом. Вульгарный и невоспитанный Ши обладал отменно острым глазом. Может, он и не был *хорошим* полицейским, но эффективным – безусловно. Он нагонял страх.

* * *

За год до описываемых событий Ван Мяо отвечал за наноконпоненты на строящемся в Лянсяне «Синотроне II» – ускорителе заряженных частиц высоких энергий. Как-то после полудня, выйдя на воздух, он был поражен открывшейся ему картиной. Ван увлекался пейзажной фотографией и потому часто смотрел на окружающее взором художника.

Сейчас перед ним развернулась великолепная композиция, центром которой служил соленоид сверхпроводящего магнита. Смонтированное пока только наполовину, но уже насчитывавшее три этажа в высоту, это нагромождение гигантских металлических блоков и охлаждаемых труб выглядело настоящим монстром. От сооружения, похожего на груды индустриальных отходов во времена промышленной революции, веяло бездушной технологической жестокостью и железобетонным варварством.

На фоне этого мрачного чудовища ярким пятном выделялась тонкая фигура молодой женщины. Не только сама эта картина, но и освещение было совершенно фантастическим: строящийся соленоид утопал в тени временного строительного тента, что еще больше подчеркивало его мрачный характер, но один-единственный луч послеполуденного солнца проникал сквозь отверстие в центре навеса и падал на женщину. Мягкое сияние окутывало ее роскошные волосы и подчеркивало белизну шеи над воротником комбинезона. Она была похожа на диковинный цветок, распустившийся среди металлических руин после яростной бури...

– На что уставился? Быстро за работу!

Ван, внезапно вырванный из созерцания, опешил от такой грубости, однако тут же сообразил, что директор Исследовательского института нанотехнологий кричал вовсе не на него, а на молодого инженера, тоже не отводившего глаз от незнакомки. Вернувшись в реальность, Ван увидел, что рядом с женщиной стоит главный инженер и что-то почтительно объясняет. Значит, она не простая работница.

– Кто эта женщина? – спросил Ван директора.

– Вы должны бы ее знать. – Директор повел рукой вокруг себя. – Вам известно, сколько стоит этот ускоритель? Двадцать миллиардов юаней. И первый эксперимент на нем, скорее всего, проведет именно она, проверяя свою модель суперструн. Как правило, эта честь оказывается особо заслуженным ученым мужам, и в обычных обстоятельствах ей бы такого права не дали – она не «муж», и не особо заслуженный. Но никто из маститых не выразил желания сделать первый опыт – наверно, боялся провалить его и потерять лицо. Вот ей и выпал шанс.

– Как?.. Так это Ян Дун? Она женщина?!

– Вы правы, – вздохнул директор. – Мы и сами узнали об этом всего пару дней назад, когда наконец познакомились с ней.

Вмешался молодой инженер:

– А у нее с головой вообще-то все в порядке? Разве люди в здравом рассудке отказываются от интервью? Или она как Цян Чжуншу¹⁵, который так и умер, ни разу не появившись на телевидении?

– Мы хотя бы знали, какого Цян пола, – отозвался Ван. – Держу пари, у Ян Дуна было необычное детство. Наверно, поэтому она замкнулась в себе. – Ван произнес это с некоторой самоиронией. Он пока еще даже не заслужил, чтобы им заинтересовалась пресса, не говоря уж о том, чтобы отказываться от интервью...

¹⁵ Цян Чжуншу (1910–1998) был одним из самых знаменитых литераторов Китая XX века. Эрудит, культуролог, человек острого ума, он был отшельником по натуре и постоянно отказывался иметь дело с прессой. – *Прим. К. Л.*

В это время Ян Дун и главный инженер отошли от соленоида. Проходя мимо Вана и его собеседников, она безмолвно улыбнулась и легонько кивнула. Вану навсегда запомнились ее лучистые глаза.

В тот вечер он сидел у себя в кабинете и любовался фотографиями, висящими на стене. Эти работы были его гордостью. Особенно пристально он всматривался в один пейзаж, изображавший уединенную долину меж заснеженных гор. Почти треть переднего плана занимал остов мертвого дерева, иссушенный долгой чередой лет. Ван мысленно подставил в картину фигуру, которая занимала сейчас все его мысли, поместив ее в дальнем конце лощины. Удивительно – пейзаж мгновенно ожил, как будто запечатленный на фотографии мир признал незнакомку своей неотъемлемой частью, как будто само это место было создано природой только ради нее.

Точно так же Ван мысленно подставил фигуру Ян Дун во все остальные фотографии, иногда помещая ее сияющие глаза в небе над землей. Эти снимки тоже оживали и становились безупречно прекрасными. Такой красоты Ван даже вообразить себе не мог.

Ему всегда казалось, что его фотографиям чего-то не хватает – быть может, души? Теперь он понял: им не хватало *ее*.

* * *

– Все имена в списке – это физики, совершившие самоубийство за последние два месяца, – пояснил генерал Чан.

Вана словно громом поразило. Черно-белый ландшафт перед его мысленным взором поблек. На фотографиях больше не было Ян Дун, и ее глаза исчезли с небосвода. Все эти миры погибли.

– Когда... Когда это произошло? – непослушными губами спросил он.

– В течение последних двух месяцев, – повторил Чан.

– Вы имеете в виду имя в конце списка, я так полагаю? – влез Ши. – Она умерла последней – двое суток назад от передозировки снотворного. Ушла тихо и спокойно, без боли.

На одно мгновение Ван почувствовал признательность к грубияну-полицейскому.

– Но почему? – спросил Ван. Мертвые ландшафты продолжали свою круговерть в его мозгу.

– Единственное, в чем мы можем быть уверены, – ответил генерал, – это что причина для самоубийства была у всех одна и та же. Правда, ее трудно определить. Может статься, что нам, неспециалистам, ее вообще не понять. В документе приводятся выдержки из их предсмертных записок. Вы сможете ознакомиться с ними после совещания.

Ван пролистал записки. Вернее, даже не записки, а целые сочинения.

– Доктор Дин, не будете ли вы так добры показать профессору Вану записку Ян Дун? Она самая короткая из всех и, похоже, наиболее точно выражает общий характер записок.

Дин И, к которому обращался генерал, до сих пор не произнес ни слова. Немного помедлив, он протянул Вану через стол белый конверт.

Ши пробормотал:

– Он был парнем Ян.

Ван припомнил, что видел Дина на строительстве ускорителя в Лянсяне. Этот теоретик прославился тем, что, изучая шаровую молнию, открыл макроатом¹⁶. Ван вынул из конверта тонкий, неправильной формы листок, от которого исходил едва заметный аромат. Это была не бумага – записку написали на бересте. Изящные иероглифы гласили:

«Все факты свидетельствуют об одном: физика никогда не существовала и никогда не будет существовать. Я знаю, что поступаю безответственно, но у меня нет иного выбора».

¹⁶ Чтобы узнать больше о Дин И, обратитесь к рассказу Лю Цисиня «Шаровая молния». – Прим. К. Л.

Под запиской даже не было подписи. Ян Дун покинула этот мир.

– Физика... никогда не существовала? – Ван не знал, что и думать.

Генерал захлопнул папку.

– Среди документов вы также найдете подробный отчет о результатах экспериментов, полученных на трех новейших ускорителях. Информация чисто техническая, мы не станем ее тут обсуждать. Центром нашего расследования прежде всего является общество «Рубежи науки». ЮНЕСКО объявила 2005 год Всемирным годом физики. Общество, о котором идет речь, образовалось путем постепенного объединения различных групп ученых, собиравшихся на конференциях и дискуссиях в этом году. Доктор Дин, вы, как физик-теоретик, не могли бы разъяснить нам ситуацию более подробно?

Дин кивнул.

– Я лично не поддерживаю прямой связи с «Рубежами науки», но это общество очень известно в академических кругах. Его кредо можно выразить следующим образом.

Во второй половине XX века физика потеряла стройность и простоту, характерную для классических теорий. Современные теоретические построения становятся все более и более сложными, расплывчатыми и неясными. Экспериментальные подтверждения тоже добываются с большим трудом. Это признак того, что физика уперлась лбом в стену.

Члены «Рубежей науки» учатся мыслить по-новому. Они хотят с помощью научных методов исследовать границы науки, пытаются узнать, существуют ли пределы, за которые наука в своем познании природы не может заглянуть. Состояние современной физики предполагает, что мы как раз коснулись этой черты.

– Очень хорошо, – сказал Чан. – Согласно нашим сведениям, большинство ученых, совершивших самоубийство, были так или иначе связаны с «Рубежами науки», а некоторые даже являлись членами общества. Но мы не нашли никаких доказательств использования психотропных средств или других приемов психологической манипуляции наподобие тех, что применяются в некоторых религиозных сектах. Другими словами, даже если «Рубежи науки» и повлияли на ученых, то сделано это было иначе, например, во время дискуссий. Профессор Ван, поскольку с вами они вошли в контакт совсем недавно, хотелось бы кое-что у вас узнать...

Тут его перебил Ши Цян:

– Включая имена, время и место встреч, содержание разговоров, а если вы обменивались обычной или электронной почтой, то и...

– Заткнись, Да Ши! – приказал Чан.

Другой офицер полиции придвинулся к Цяну и прошепел:

– Бойтесь, мы забудем, что у вас есть рот, если вы не будете все время разевать его?

Ши схватил свою чашку, но, увидев плавающий в ней окурок, поставил обратно.

Слова Ши опять вызвали у Вана раздражение сродни тому, которое испытывает человек, почувствовавший, что вместе с едой проглотил муху. От былой признательности не осталось и следа. Но он взял себя в руки и ответил:

– Мое знакомство с «Рубежами науки» началось со встречи с Шэнь Юйфэй – японкой китайского происхождения. Она физик, работает в японской компании здесь, в Пекине. Раньше она была сотрудником лаборатории при «Мицубиси», занималась нанотехнологиями. Мы встретились на технической конференции в начале этого года. Она познакомила меня с другими физиками, членами «Рубежей науки», как китайскими, так и зарубежными. Наши разговоры были... как бы это выразиться... ну, очень радикальными, что ли. Основным вопросом был тот, который только что затронул доктор Дин: каковы пределы научного познания?

Поначалу эти беседы интереса у меня не вызывали. Праздное времяпрепровождение, и только. Мое дело – прикладные исследования, и я мало разбираюсь в вопросах теории. По большей части я лишь выслушивал споры между другими учеными. Все эти люди были мыслителями с неординарными взглядами, и я чувствовал, что общение с ними расширяет мой

кругозор. Постепенно во мне проснулся интерес, однако все разговоры ограничивались лишь теорией. Однажды меня пригласили присоединиться к «Рубежам науки», но если бы я это сделал, собрания и дискуссии превратились бы в обязанность. Поскольку время и силы у меня весьма ограничены, я отказался.

– Профессор Ван, – сказал генерал, – нам бы хотелось, чтобы вы приняли их предложение и присоединились к «Рубежам науки». Собственно, поэтому мы вас сегодня и пригласили. С вашей помощью мы могли бы больше узнать о том, что происходит внутри этой организации.

– Вы хотите сделать из меня «крота»? – Вану стало не по себе.

– Точно, крота! – хохотнул Ши.

Чан осуждающе взглянул на него и вновь повернулся к Вану.

– Скажем так – мы хотели бы получать от вас информацию. Другой возможности проникнуть в это общество у нас нет.

Ван покачал головой.

– Прошу прощения, генерал. Я не могу так поступить.

– Профессор Ван, в «Рубежи науки» входят ведущие ученые разных стран. Расследование их деятельности – дело чрезвычайно сложное и деликатное, все равно что идти по тонкому льду. Если нам не поможет кто-то из академических кругов, далеко мы не продвинемся. Вот почему мы просим вас. Но мы примем любое ваше решение. Если вы не согласитесь, мы пойдем.

– Но я... я очень занят по работе... У меня попросту нет времени...

Генерал Чан кивнул.

– Хорошо, профессор Ван. Мы больше не смеем отнимать ваше драгоценное время. Спасибо, что посетили наше совещание.

Ван подождал еще несколько секунд, не сразу поняв, что его просят уйти.

Генерал вежливо проводил Вана до двери. Сзади раздался громкий голос Ши:

– Так оно, пожалуй, и к лучшему. Мне все равно этот план не нравился. Книжные черви только и знают, что кончают с собой. И с этим будет так же. Посылать его все равно что бросить пельмень собакам.

Ван развернулся и ринулся обратно к Ши. С трудом овладев собой, он отчеканил:

– Хорошему полицейскому так разговаривать не подобает!

– А кто сказал, что я *хороший* полицейский?

– Мы не знаем, почему эти исследователи покончили с собой, но вам не стоило бы говорить о них так пренебрежительно! Их труды внесли неоценимый вклад в мировую культуру!

– Хотите сказать, что я им в подметки не гожусь? – Ши, не вставая с места, поднял голову и взглянул Вану прямо в глаза. – Я-то уж, по крайней мере, не стал бы резать себе вены из-за того, что какая-то сволочь нагородила мне кучу всякой ерунды!

– А я, по-вашему, стану?!

– Я всего лишь забочусь о вашей безопасности. – На лице Ши снова появилась его фирменная кривая усмешка.

– Думаю, что в подобной ситуации я справился бы лучше вас! Способность человека отличать правду от лжи напрямую зависит от багажа его знаний.

– А вот я так не думаю. Для таких, как вы...

– Замолчи, Да Ши! – вмешался генерал Чан. – Еще одно слово – и вылетешь отсюда как миленький!

– Нет, почему же, – возразил Ван. – Пусть говорит. – Он повернулся к генералу. – Знаете что, я передумал. Я присоединюсь к «Рубежам науки».

– Вот и хорошо! – энергично кивнул Ши. – Держите ушки на макушке. Пользуйтесь любой возможностью добыть новую информацию. Например, заглядывайте в их компьютерные экраны, запоминайте адреса электронной почты и веб-сайтов...

– Довольно! Вы не поняли меня. Я не желаю становиться шпионом. Я всего лишь хочу доказать, что вы дурак!

– Если протянете хотя бы пару месяцев, после того как присоединитесь к ним, то я охотно признаю себя дураком! Но, боюсь, вы того... – Ши вздернул голову, и его усмешка превратилась в волчий оскал.

– Еще как протяну! И больше я не хочу вас видеть! Никогда!

* * *

Генерал отвел Вана в сторону и занимал разговором, пока все не разошлись – чтобы они с Ши опять не схлестнулись. Затем он проводил профессора на первый этаж и вызвал машину.

– Выкиньте Ши из головы, – сказал генерал Вану. – Ну такой он человек, что поделаешь. Вообще он очень опытный полицейский, эксперт по борьбе с терроризмом. Двадцать лет назад служил рядовым в моей роте.

Подходя к машине, Чан добавил:

– Профессор Ван, у вас, должно быть, много вопросов...

– Какое отношение то, о чем говорилось на совещании, имеет к военным?

– Война – это дело военных, разве не так?

Ван недоуменно уставился на него.

– О какой войне речь? Ведь сейчас, похоже, самое мирное время за всю историю человечества!

На непроницаемом лице Чана появилась загадочная улыбка.

– Скоро узнаете. Скоро все узнают. Профессор Ван, с вами когда-нибудь случалось что-то такое, что изменило бы всю вашу жизнь? Событие, после которого мир для вас стал бы совершенно другим?

– Нет.

– Тогда считайте, вам очень повезло! В мире царит непредсказуемость, а с вами, получается, не происходило никаких кризисов?

Ван некоторое время обдумывал сказанное, по-прежнему в недоумении.

– Думаю, то же самое можно сказать о большинстве людей, – наконец сказал он.

– Ну тогда большинству людей везет в жизни.

– Но... многие поколения жили так – просто жили и все...

– Им тоже повезло.

Ван засмеялся и покачал головой.

– Должен признаться, сегодня я не очень сообразителен. Вы хотите сказать, что...

– Да, я хочу сказать, что вся история человечества – сплошное везение. Начиная с каменного века и до наших дней нам не приходилось сталкиваться с настоящим кризисом. Но всякое везение когда-нибудь кончается. Послушайте меня. Удаче пришел конец. Готовьтесь к худшему.

Ван хотел было спросить о чем-то еще, но генерал помотал головой и попрощался, избегая дальнейших вопросов.

Ван сел в машину, назвал шоферу адрес и спросил:

– Это вы привезли меня сюда? Кажется, машина та же самая.

– Нет, не я. Я вез доктора Дина.

У Вана родилась идея. Он попросил шофера отвезти его к Дину.

Глава 5

Партия в бильярд

Едва открыв дверь в новенькую трехкомнатную квартиру Дин И, Ван учуял запах алкоголя. Дин валялся на диване перед включенным телевизором и пиялся в потолок. В квартире, еще не обставленной до конца, было мало мебели и уютных безделушек, отчего обширная гостиная выглядела голой. Самой большой достопримечательностью здесь служил бильярдный стол в углу.

Вану показалось, что его неожиданный визит был кстати. Дину явно хотелось излить душу.

– Я купил это жилье три месяца назад, – сказал Дин. – И зачем только я это сделал? Неужели надеялся, что ей когда-нибудь захочется завести семью?... – Он с пьяной улыбкой покачал головой.

– Так вы... – Вану было интересно узнать подробности личной жизни Ян Дун, но он не представлял, с чего начать.

– Она была как звезда – всегда такая далекая, отстраненная... Даже тот свет, который она изливала на меня, был холоден. – Дин подошел к окну и уставился в ночное небо.

Ван не ответил. Как он жалел, что никогда не слышал ее голоса! Ведь год назад, в тот памятный вечер, когда они на мгновение встретились глазами, они не сказали друг другу ни слова.

Дин махнул рукой, словно отгоняя от себя что-то.

– Профессор Ван, вы были правы. Не связывайтесь ни с полицией, ни с военными! И те, и другие просто кретины! Самоубийства всех этих ученых не имеют никакого отношения к «Рубежам науки». Я много раз пытался им это объяснить, но все без толку. Не понимают.

– Похоже, они проводят какое-то независимое расследование...

– Да, причем в глобальном масштабе. Неплохо бы им знать, что двое из их списка покойников никогда не имели дел с «Рубежами науки», включая... включая Ян Дун. – По-видимому, упоминание ее имени давалось Дину с трудом.

– Дин И, вы ведь в курсе, что я уже дал согласие сотрудничать. Поэтому... мне очень хотелось бы узнать, почему Ян... сделала такой выбор. Мне кажется, вам известно что-то такое...

– Ван чувствовал, что выглядит очень глупо, пытаясь скрыть свои истинные намерения.

– Может, лучше не надо? Сейчас вы только-только окунулись в это дело, а узнай вы побольше – и ваш дух тоже затянет в трясину, а тогда жди беды!

– Я, знаете ли, практик. А мы народ не такой чувствительный, как вы, теоретики.

– Ну хорошо, уговорили. В бильярд играете? – Дин подошел к бильярдному столу.

– Играл немного в колледже.

– Мы с ней любили играть. Бильярд напоминает столкновение частиц в ускорителе. – Дин взял два шара, черный и белый, установил черный около одной из луз и положил белый сантиметрах в десяти от него. – Сможете положить черный в лузу?

– С такого расстояния? Любой неумеха смог бы.

– Давайте.

Ван взял кий, легонько ударил по белому шару и забил черный в лузу.

– Отлично. А теперь перетащим стол в другое место. – Дин взялся за крышку стола, растерянный Ван последовал его примеру. Они передвинули бильярд в другой угол, к окну. Затем Дин снова расставил шары как в первый раз. – Сумеете повторить? – поинтересовался он у Вана.

– Само собой.

– Валяйте.

И снова Ван легко положил шар в лузу.

Дин взмахнул рукой:

– Давайте передвинем его еще раз.

Они подняли стол и переставили в третий угол. Дин расположил шары как раньше:

– Бейте.

– Послушайте, мы...

– Делайте, кому говорят!

Ван беспомощно пожал плечами. И опять ему удалось загнать черный шар в лузу.

Они передвинули стол еще два раза – к двери и на первоначальное место. Дин еще дважды ставил шары на сукно в прежнем порядке, и дважды Ван забил черный шар в лузу. Оба игрока чуть-чуть запыхались.

– Отлично, эксперимент окончен. А теперь проанализируем результаты. – Прежде чем продолжить, Дин закурил сигарету. – Мы провели один и тот же опыт пять раз. Четыре из них – в разных местах и в разное время. Два – в одном и том же месте, но в разное время. Ну разве это не потрясающе?! – Он преувеличенно широко развел руки в стороны. – Пять раз! С одним и тем же исходом!

– Что вы хотите этим сказать? – недоумевал Ван.

– Вы в состоянии объяснить этот невероятный результат? Будьте добры, воспользуйтесь языком физики.

– Ладно... В течение этих пяти экспериментов масса обоих шаров оставалась неизменной. Если в качестве системы координат мы выберем крышку стола, то и пространственное положение шаров не менялось. Скорость белого шара, бьющего по черному, тоже оставалась примерно одинаковой. Значит, и перенос импульса между шарами был одним и тем же. Этим обуславливается один и тот же результат: во всех пяти экспериментах черный шар оказался в лузе.

Дин взял с пола бутылку бренди и два стакана, налил в оба и один протянул Вану. Тот отказался.

– Да ладно вам, давайте отпразднуем! Мы открыли великий принцип: законы физики неизменны в пространстве и времени. Абсолютно все физические законы в истории человечества, начиная с Архимеда до теории струн, все научные открытия и плоды человеческого разума являются побочными продуктами этого великого закона. Профессор, мы теперь можем считать себя теоретиками науки! По сравнению с нами Эйнштейн и Хокинг всего лишь заурядные инженеришки.

– Я по-прежнему не пойму, к чему вы ведете.

– Вообразите себе иные результаты. В первый раз белый шар толкнул черный в лузу. Во второй черный отскочил. В третий черный шар взлетел к потолку. В четвертый он пометался по всей комнате, как испуганный воробей, и канул в ваш карман. И в пятый раз черный шар, набрав скорость, близкую к скорости света, проломил бортик стола, пронзил стену и покинул Землю, а потом и Солнечную систему, как это описал Азимов¹⁷. Что бы вы тогда сказали?

Дин внимательно наблюдал за Ваном. После долгого молчания тот произнес:

– Это произошло на самом деле. Я прав?

Дин опустошил оба стакана, которые держал в руках, и устался на бильярдный стол так, будто ему явился дьявол.

– Да. Это произошло. В последние годы у нас появилось новое оборудование для опытной проверки фундаментальных теорий. Были сооружены три чертовски дорогих «бильярдных стола»: один в Северной Америке, другой в Европе и третий – вы его знаете, в Лянсяне. Ваш

¹⁷ См. рассказ А. Азимова «Бильярдный шар». – Прим. автора.

Исследовательский институт нанотехнологий заработал очень неплохие денежки на поставках для него.

На этих ускорителях сталкивающимся частицам можно придать энергии на порядок больше, чем на всех других, – такого уровня человечество еще никогда не достигало. И вот на этом самом новейшем оборудовании, при одних и тех же частицах, одном количестве энергии и одинаковых экспериментальных параметрах получены совершенно разные результаты. Причем не только на разных ускорителях, но и на одном и том же ускорителе в разное время. Физики впали в панику. Они бесконечно повторяли опыты, не меняя условий, и каждый раз получали иной результат. Совершенно никакой системы!

– И что все это значит? – спросил Ван, но Дин лишь смотрел на него и молчал. Не дождавшись ответа, Ван добавил: – Да, я нанотехнолог и тоже работаю с микроскопическими объектами, но вы-то имеете дело с частицами на много порядков меньше! Пожалуйста, растолкуйте мне все с самого начала.

– Это значит, что законы физики не неизменны в пространстве и времени.

– То есть как это?!

– Думаю, дальнейшие выводы вы сможете сделать сами. Даже генерал Чан додумался. В уме ему не откажешь.

Ван задумчиво посмотрел в окно. Городские огни затмевали звезды в ночном небе.

– Это значит, что таких законов физики, которые выполнялись бы в любой точке Вселенной, не существует, что, в свою очередь, значит... что физики не существует, – сказал Ван и отвернулся от окна.

– «Я знаю, что поступаю безответственно, но у меня нет иного выбора», – процитировал Дин. – Это вторая половина ее записки. Первую вы только что сформулировали сами. Теперь вы понимаете, почему она так поступила? Ну хоть немного?

Ван взял в руку белый шар, погладил и опустил обратно на сукно.

– Для человека, находящегося на переднем фронте теоретической науки, это настоящая катастрофа.

– Теоретическая физика требует чуть ли не религиозной веры. А фанатика легко столкнуть в пропасть.

Прощаясь, Дин И дал Вану бумажку с адресом:

– Если у вас будет время, пожалуйста, навестите мать Ян Дун. Они всегда жили вместе, и Дун была для матери зеницей ока. Теперь старушка почти все время одна.

– Дин, вы знаете гораздо больше меня. Не могли бы вы рассказать подробнее? Неужели вы и вправду верите, что законы физики не неизменны в пространстве и времени?

– Да не знаю я ничего! – Дин долго молча смотрел Вану в глаза и наконец проговорил: – Вот в чем вопрос.

Ван понял, что Дин И закончил цитату, часть которой привел британский полковник: «Быть или не быть – вот в чем вопрос».

Глава 6

Стрелок и фермер

Следующий день был выходной. Ван встал пораньше и поехал кататься на велосипеде. Как фотографа его больше всего привлекали картины девственной природы, свободной от присутствия человека. Теперь, когда Ван был уже не так молод, у него не хватало энергии ехать куда-то далеко, поэтому он ограничивался съемками в городе.

Сознательно или бессознательно, но он обычно выбирал мотивы, в которых было что-то от дикой природы: пересохшее озерцо в парке, свежевыкопанная земля на стройке, сорняк, пробивающийся сквозь трещину в асфальте... Чтобы насыщенные городские краски не мешали восприятию, Ван пользовался только черно-белой пленкой. Он выработал свой особый стиль, и его заметили. Некоторые его работы отобрали для участия в двух выставках, а Вана приняли в Союз фотографов. В поисках вдохновения и композиций, которые тронули бы его душу художника, он подолгу колесил по городским улицам. Зачастую он уезжал из дому на целый день.

С самого утра Ван чувствовал себя не в своей тарелке. Его художественный стиль тяготел к классическому – спокойному и уравновешенному, но сегодня ему никак не удавалось достичь состояния духа, необходимого для съемки. Город, только что пробудившийся ото сна, представлялся ему построенным на песке. Стабильность была иллюзорной. Всю ночь Вану снились те самые два бильярдных шара. Они носились в темном пространстве без всякой системы; черный растворялся на черном фоне, и его можно было заметить только тогда, когда он заслонял собой белый шар.

«Неужели основной закон природы – это отсутствие законов? – размышлял Ван. – Возможно ли, что стабильность и порядок – лишь временное динамическое равновесие, достигнутое только в одном уголке Вселенной, маленький островок покоя в океане хаоса?»

Неожиданно для себя самого Ван оказался у подножия только что построенного здания Центрального телевидения Китая. Он остановился на обочине и всмотрелся в гигантскую башню в форме буквы А, пытаясь вновь обрести равновесие. Его взгляд заскользил по острому шпилью, который устремлялся в бездонную голубизну неба, сияя в лучах утреннего солнца. И в голове Вана внезапно всплыли два слова: «стрелок» и «фермер».

Когда члены «Рубежей науки» вели дискуссии на физические темы, они часто пользовались сокращением «СФ». Нет, они имели в виду не «сай-фай», то есть научную фантастику, а эти самые два слова – «стрелок» и «фермер». Это была отсылка к двум гипотезам, включающим в себя фундаментальные законы природы и Вселенной.

Гипотеза стрелка состоит в следующем: снайпер стреляет в мишень, пробивая ее через каждые десять сантиметров. Теперь вообразите себе, что поверхность мишени заселена расой разумных двумерных существ. Их ученые, наблюдая за Вселенной, открыли великий закон: «Через каждые десять сантиметров во Вселенной имеется отверстие». Они приняли сиюминутную прихоть стрелка за закон природы.

В гипотезе фермера есть что-то от фильма ужасов. Итак, каждое утро на индюшиной ферме начинается с того, что фермер кормит птиц. Ученая индюшка, наблюдавшая данное явление в течение почти целого года, приходит к выводу: «Каждое утро в одиннадцать прибывает еда». В утро Дня благодарения всезнайка провозглашает сей закон товаркам. Но в этот день, в одиннадцать, вместо кормежки фермер забивает всех индюшек.

Вану почудилось, что земля под его ногами плывет, как зыбучий песок. Телебашня задрожала и покачнулась. Он быстро перевел взгляд вниз, на улицу.

* * *

Стараясь избавиться от неприятного чувства, Ван заставил себя побыстрее доснять всю пленку и к обеду уже был дома. Жена с сыном ушли на прогулку и вернутся нескоро. Обычно Вану не терпелось сразу проявить отснятую пленку, но сегодня настроение было не то. После легкого обеда он прилег вздремнуть. Поскольку ночью он спал плохо, то проснулся только часов в пять. Вспомнив о пленке, Ван отправился в чулан, приспособленный под темную комнату.

Когда пленка была проявлена, он начал просматривать кадры – стоит ли какой-нибудь из них того, чтобы его напечатать? И на первом же увидел нечто странное. На снимке изображался скверик напротив большого торгового центра. В самой середине негатива виднелся ряд крохотных белых значков, которые при ближайшем рассмотрении оказались цифрами: *1200:00:00*.

На следующем кадре тоже были цифры: *1199:49:33*, на третьем *1199:40:18*.

Фактически каждый кадр содержал такие числа. На последнем, тридцать шестом, значилось: *1194:16:37*.

Первой мыслью Вана было, что что-то случилось с пленкой. Leica M2 1988 года выпуска, которой он пользовался, была пленочным фотоаппаратом старой конструкции, так что никаких цифр, например, дату, печатать на пленке не умела. Из-за высокого качества объектива и безукоризненно отлаженного механизма этот фотоаппарат считается великолепной профессиональной камерой даже в наш цифровой век.

Еще раз просматривая негативы, Ван обнаружил и другую странность: цифры будто специально приспособлялись к изображению. На черном фоне цифры были белые и наоборот – для максимального контраста. К тому времени, когда Ван снова дошел до шестнадцатого кадра, сердце его уже колотилось как бешеное, а по спине полз холодок.

Этот снимок изображал мертвое дерево у древней стены, испещренной белыми и черными пятнами. Такой фон создавал трудности: и черные, и белые цифры будут одинаково плохо видны. И что же? На этой картинке числа выстроились вертикально, следуя изгибам древесного ствола. Ряд белых цифр извивался на темной коре мертвого дерева, точно ядовитая змея.

Ван принялся анализировать математические закономерности чисел. Сначала он думал, что это некая порядковая нумерация, но разница между числами была неодинаковая. Потом предположил, что числа выражают время: часы, минуты и секунды. Он достал свой журнал съемок, куда педантично заносил время каждого снимка с точностью до минуты, и обнаружил, что разница между двумя последовательными кадрами соответствует разнице во времени между щелчками затвора.

Это был обратный отсчет.

Он начался с 1200 часов. Сейчас оставалось около 1194 часов, то есть меньше 50 дней.

«Сейчас? Нет, в момент, когда я сделал последнюю фотографию. Интересно, отсчет продолжается?»

Ван вышел из чулана, заправил в «лейку» новую кассету с пленкой и пустился фотографировать все подряд. Даже вышел на балкон и сделал несколько снимков на свежем воздухе. Прикончив пленку, он вынул ее и вернулся в темную комнату. На проявленных негативах, словно призраки, опять красовались цифры. На первом кадре значилось: *1187:27:39*. Разница точно соответствовала отрезку времени, прошедшему между последним кадром предыдущей пленки и первым нынешней. На остальных негативах числа последовательно уменьшались на три-четыре секунды: *1187:27:35*, *1187:27:31*, *1187:27:27*, *1187:27:24*... – точно соответствуя интервалам между щелчками затвора.

Отсчет продолжался.

Ван опять зарядил в камеру новую пленку. Он щелкал беспрерывно, иногда даже не снимая крышку с объектива. Как раз в момент, когда он вынимал пленку из аппарата, вернулись жена с сыном. Прежде чем уйти в темную комнату, Ван заправил в «лейку» свежую пленку и вручил камеру жене:

– Вот. Окажи услугу – снимай, пока пленка не закончится.

– Что снимать? – переполошилась жена. Ван никому не позволял пальцем притронуться к своему драгоценному фотоаппарату; правда, ни жена, ни сын никогда и не проявляли особого желания это сделать. В их глазах допотопная «лейка» была просто старьем ценой более двадцати тысяч юаней.

– Неважно. Просто щелкай все подряд. – Ван сунул камеру жене в руки и собрался нырнуть в чулан.

– Ну ладно... Дуду, может, давай тебя пофотографируем? – Жена направила объектив на сына.

Вану вдруг представилось лицо сына, пересеченное рядом потусторонних цифр, словно клеймом палача.

– Нет, только не его! Снимай что-нибудь другое.

Затвор щелкнул – жена сделала первый снимок.

– А почему не нажимается опять? – спросила она. Ван показал ей, как перевести кадр.

– Ты должна делать это после каждого снимка, – сказал он и ушел в темную комнату.

– И зачем эти сложности... – Жена Вана, врач, не понимала, что за блажь цепляться за этот дорогуший, но устаревший аппарат, когда существуют цифровые камеры с разрешением в десять, а то и в двадцать мегапикселей. Да еще и пользоваться черно-белой пленкой.

Проявив третью пленку, Ван посмотрел сквозь нее на красную лампочку. Сверхъестественный обратный отсчет продолжался. Цифры были на всех кадрах, в том числе и на тех, что снимались с закрытой крышкой: *1187:19:06, 1187:19:03, 1187:18:59, 1187:18:56...*

Жена постучала в дверь и сообщила, что задание выполнено. Ван высунулся из чулана и, взяв у жены фотоаппарат, дрожащими руками извлек кассету и, игнорируя озабоченный взгляд супруги, нырнул обратно в чулан и захлопнул за собой дверь. Он так спешил, что заляпал реактивами весь пол. Вскоре проявка завершилась, и Ван закрыл глаза, молясь про себя: «Пожалуйста, не появляйтесь больше! Я не хочу, чтобы настал мой черед...»

Он навел на снимки увеличительное стекло. Цифр не было. На негативах отображался только интерьер квартиры и больше ничего. Под неумелой рукой жены картинки вышли немного смазанные, однако это были самые прекрасные фотографии, которые Ван когда-либо видел.

Весь в поту, он вышел из темной комнаты и с облегчением выдохнул. Жена возилась на кухне, сын играл в детской. Ван опустился на софу и, немного успокоившись, принялся обдумывать происходящее, стараясь найти ему рациональное объяснение.

Первым делом он отмел возможность того, что числа, точно отмечавшие промежутки времени между щелчками затвора и выдававшие признаки чьего-то расчетливого вмешательства, были заранее отпечатаны на пленке. Нет, они возникали там в процессе фотографирования. Но как? Может, в аппарате поломка? А может, кто-то без ведома Вана встроил в камеру какой-то механизм?

Ван снял объектив, разобрал камеру и внимательно изучил все компоненты с помощью увеличительного стекла. Он не обнаружил не только каких-либо изъянов, но даже пыли. Затем ему пришло в голову, что раз числа есть и в тех снимках, которые были сделаны с закрытой крышкой, то источником света могло послужить какое-то проникающее излучение. Но где находится его источник? Как удалось направить лучи точно в объектив? И разве это возможно чисто технически?!

По крайней мере, при нынешнем уровне развития техники осуществить такое могла бы только какая-то сверхъестественная сила.

1186:34:13, 1186:34:02, 1186:33:46, 1186:33:35...

Желая убедиться, что жуткие цифры исчезли, Ван зарядил в «лейку» еще одну кассету и снова начал снимать все подряд. Но после проявки его кратковременная радость улетучилась. Ему показалось, что он сходит с ума. Отсчет возобновился. Судя по числам, он никогда и не останавливался, просто его не было на снимках, которые сделала жена.

Ван вылетел из темной комнаты и кинулся к входной двери. Выскочив на лестничную площадку, он заколотил в двери соседа, профессора Чжана.

– Профессор Чжан, у вас есть фотоаппарат? Не цифровой, а обычный, с пленкой?

– Такой профессионал, как вы, хочет одолжить у меня фотоаппарат?! А что случилось с вашей замечательной камерой? У меня только цифровая «мыльница»... С вами все в порядке? Вы так бледны...

– Будьте добры, дайте мне ее!

Чжан ушел и вернулся с «мыльницей» – обычным цифровым «Кодаком».

– Вот, пожалуйста. В ней есть кое-какие кадры, можете их смело удалить.

– Спасибо!

Ван схватил камеру и понесся домой. Собственно, у него были еще три фотоаппарата с пленкой и один цифровой, но он думал, что лучше будет одолжить камеру у кого-то другого. Однако, взглянув на «лейку», лежащую на софе, он решил заправить в нее новую пленку, а соседский «Кодак» протянул жене, накрывавшей на стол:

– Быстро сделай еще несколько снимков, как раньше!

– Да что с тобой? Только посмотри на себя! Ты заболел?!

– Не обращай внимания. Фотографируй!

Жена поставила тарелки на стол и подошла к Вану. В глазах ее светились беспокойство и страх.

Ван сунул «Кодак» шестилетнему сыну, как раз начавшему есть.

– Дуду, помоги папе. Нажми на эту кнопочку. Правильно, вот так. Это один снимок. А теперь нажми еще раз. Это второй. Продолжай нажимать. Фотографируй все, что хочешь.

Малыш учился быстро. Игрушка ему понравилась, он бойко защелкал кнопочкой. Ван развернулся кругом, взял с софы «лейку» и тоже начал снимать. Отец и сын щелкали затворами как сумасшедшие. Молниями сверкали вспышки. Жена Вана, не знавшая, что и подумать, расплакалась.

– Ван Мяо, я понимаю, в последнее время у тебя страшный стресс, но, пожалуйста, ты же не...?

Ван заполнил всю пленку в «лейке» и выхватил у сына цифровую камеру. На мгновение задумался, а потом ушел в спальню, подальше от разволновавшейся жены, и сделал несколько снимков с помощью «Кодака». Боясь смотреть на экран, он пользовался видоискателем, хотя и сознавал, что все равно очень скоро придется взглянуть правде в глаза.

Ван вынул кассету из «лейки», вновь нырнул в темную комнату, запер дверь и принялся за работу. Проявив пленку, он стал внимательно изучать негативы. Пальцы дрожали, поэтому лупу пришлось держать двумя руками.

Отсчет продолжался.

Ван выскочил из темной комнаты, схватил цифровой «Кодак» и уставился на экран. На кадрах, которые снял его сын, цифр не было. На тех, что сделал он сам, отсчет продолжался и был синхронизирован с числами на пленке из «лейки».

Итак, он пользовался разными фотоаппаратами, что позволяло исключить из числа возможных объяснений проблемы с пленкой или камерой. Но, попросив жену и сына делать

снимки, Ван получил еще более странный результат: обратный отсчет появлялся только на тех кадрах, которые отснял *он сам*, и больше нигде!

В отчаянии Ван сгреб проявленные пленки. Те были похожи на зловещий клубок змей, на охапку веревок, запутавшихся в узел, который невозможно развязать.

Он понимал, что решить эту проблему собственными силами не в состоянии. К кому же обратиться? К бывшим однокашникам по университету или коллегам по институту? Бесплезно. Все они, подобно ему самому, были людьми с техническим складом ума, а Ван подсудно сознавал, что корни его проблемы лежат гораздо глубже. Он подумал о докторе Дин И, но тому сейчас не до чужих забот. Наконец, он вспомнил о «Рубежах науки»: члены общества были истинными мыслителями, умами, открытыми для новых идей.

И он набрал номер Шэнь Юйфэй.

– Доктор Шэнь, у меня проблема. Мне нужно увидеться с вами.

– Приезжайте, – откликнулась Шэнь и повесила трубку.

Шэнь не отличалась разговорчивостью; кое-кто в «Рубежах науки» в шутку называл ее Хемингуэем в юбке. Ван не знал, как расценивать то, что она сразу согласилась увидеться с ним, даже не спросив, в чем дело. Он не мог решить, радоваться ему или тревожиться еще больше.

Затолкав спутанный клубок фотопленок в сумку и прихватив цифровую камеру, Ван под перепуганным взглядом жены вылетел из квартиры. Он мог бы поехать на своей машине, но ему не хотелось оставаться одному в вечернем городе, пусть и освещенном множеством огней. Поэтому он вызвал такси.

* * *

Шэнь жила в элитарном жилом поселке, к которому вела новая ветка пригородного поезда. Здесь, на окраине, огни были не такими яркими. Посреди поселка плескался небольшой пруд, в котором было полным-полно рыбы – специально для здешних жителей. Ночью поселок напоминал настоящую деревню.

Было очевидно, что Шэнь – женщина с достатком, хотя Ван не мог понять, в чем его источник: ни ее прежняя должность исследователя, ни нынешняя работа в частной компании больших доходов не давали. Правда, обстановка внутри дома роскошью не отличалась. Здесь проходили собрания «Рубежей науки», и Вану всегда казалось, что дом Шэнь похож на небольшую библиотеку с комнатой для собраний.

В гостиной Ван встретил Вэй Чэна, мужа Шэнь. Вэй было около сорока, на вид солидный, степенный интеллект. Помимо его имени, Ван мало что знал о нем; Шэнь не слишком откровенничала, знакомя их друг с другом. Судя по тому, что Вэй целыми днями сидел дома, он не работал. Дискуссии «Рубежей науки» никогда не вызывали у него интереса, но, похоже, он привык к тому, что в их доме постоянно толчется ученый люд.

Однако и без дела Вэй не слонялся. Вечно погруженный в размышления, он, должно быть, вел какие-то исследования на дому. Встречая гостей, он обычно рассеянно приветствовал их и возвращался в свою комнату наверх, где проводил большую часть дня. Как-то раз Ван Мяо заглянул в открытую дверь его комнаты и был поражен, увидев мощную рабочую станцию «Хьюлетт-Паккард». Ван был уверен, что не ошибается, потому что в своем исследовательском институте работал точно на такой же станции: синевато-серое шасси, модель RX8620, выпущенная четыре года назад. Что ни говорите, а это очень странно – использовать в качестве персонального компьютера машину стоимостью более миллиона юаней. Что же делает на ней Вэй Чэн днями напролет?!

– Юйфэй сейчас немного занята. Присаживайтесь, подождите, – сказал Вэй Чэн и пошел по лестнице наверх.

Ван был не против подождать, но обнаружил, что не может спокойно усидеть на одном месте, и поэтому последовал за Вэй Чэном. На пороге своей комнаты Вэй заметил, что гость идет за ним, но раздражения это в нем, по всей вероятности, не вызвало. Он указал на дверь напротив:

– Она там.

Ван постучался. Не затворенная до конца дверь приоткрылась. Шэнь сидела перед компьютером и играла в игру. Ван опешил, увидев, что она облачена в V-костюм.

V-костюмы, весьма популярные среди геймеров, состоят из шлема с экраном, дающим панорамный обзор, и тактильно-интерактивного комбинезона. Он позволяет игроку испытать полный набор игровых ощущений, например, почувствовать, каково это – получить удар в челюсть или нож в ребро, или гореть в огне, и тому подобное. С помощью костюма можно было испытать чувства экстремального жара и холода и даже узнать на себе, что чувствует человек, попавший в снежную бурю.

Ван подошел и встал у Шэнь за спиной. Поскольку игровая картинка проецировалась непосредственно на панорамный экран внутри шлема, то окно браузера на мониторе оставалось пустым. Ван внезапно припомнил совет Ши Цяна запоминать адреса сайтов и электронной почты. Приглядевшись, он разобрал адрес страницы: www.3body.net.

Шэнь сняла шлем и комбинезон и водрузила на нос очки, которые казались слишком большими для ее узкого лица. Она бесстрастно кивнула Вану, не промолвив при этом ни слова. Ван извлек из сумки перепутанные пленки и начал рассказывать о странном происшествии. Шэнь слушала его очень внимательно; фотопленки же не вызвали у нее особого интереса, она лишь скользнула по ним взглядом. Это удивило Вана и одновременно дало ему понять, что для Шэнь происходящее с ним не в новинку. Он замолчал, но слушательница кивнула, прося продолжать.

Ван завершил рассказ, и тогда впервые за все время Шэнь заговорила:

– Как подвигается ваш проект с наноматериалом?

Вопрос, никак не связанный с его делом, привел Вана в замешательство.

– С наноматериалом? Какое отношение он имеет к этому? – Он указал на ворох пленок.

Она молча продолжала смотреть на него, ожидая ответа на свой вопрос. Таков был ее стиль – не расходовать воздух зря.

– Остановите исследования, – наконец сказала она.

– Что? – Ван подумал, что ослышался. – О чем вы?

Шэнь хранила молчание.

– Как это – остановить? Это же ключевой национальный проект!

Она по-прежнему ничего не говорила, только спокойно смотрела на него.

– Ну обоснуйте хотя бы как-нибудь!..

– Просто остановите. Попробуйте.

– Вы ведь что-то знаете! Что?! Скажите мне!

– Я уже сказала все, что могла.

– Я не могу остановить проект! Это невозможно!

– Просто остановите, и все. Попробуйте.

На этом разговор об отсчете был окончен. С какой бы стороны Ван ни пытался зайти, Шэнь отвечала: «Просто остановите, и все».

– Я все понял! – заявил Ван. – «Рубежи науки» не просто дискуссионная группа, обсуждающая проблемы фундаментальной теории, как вы это утверждаете! Ваши связи с практикой намного теснее, чем я себе представлял.

– Нет, не поняли. «Рубежи науки» заняты проблемами еще более фундаментальными, чем вы себе представляете.

Отчаявшись получить ответ, Ван ушел не прощаясь. Шэнь молча проводила его до двери и наблюдала, как он садится в такси.

В этот момент к дому подкатила другая машина и, взвизгнув тормозами, остановилась. Из машины вышел человек. В неярком свете, льющемся из прихожей, Ван сразу узнал его.

Это был Пань Хань – один из наиболее выдающихся членов «Рубежей науки», биолог, некогда предположивший и доказавший связь между врожденными аномалиями развития и долговременным потреблением генетически модифицированной пищи. Он также предсказал экологические катастрофы, обусловленные культивированием генетически модифицированных растений. Тогда как обычные пророки апокалипсиса просто предсказывали всяческие беды, не вдаваясь при этом в детали, прогнозы Паня содержали подробности, которые позже оказывались точно соответствующими действительности. Настолько точно, что ходили слухи, будто этот человек – пришелец из будущего.

Он был также известен тем, что создал первую в Китае экспериментальную общину. В отличие от утопических групп Запада, призывающих «назад к природе», его «Пасторальный Китай» располагался не где-то в глуши, а в одном из самых крупных городов страны. Община не имела никакой собственности. Все, что нужно было для жизни, включая еду, ее члены добывали из городских отходов. И хотя многие предсказывали «Пасторальному Китаю» быстрый и бесславный конец, он не только выжил, но и процветал. В настоящий момент в нем насчитывалось три тысячи постоянных членов и неисчислимое множество временных, которые присоединялись к нему ненадолго ради новизны впечатлений.

Благодаря этим своим успехам Пань становился все более и более заметной фигурой в общественной жизни. Он утверждал, что технический прогресс – это болезнь, разъедающая человечество. Взрывной характер развития технологий аналогичен росту раковой опухоли, и результат будет таким же: истощение всех ресурсов, разрушение органов и в конце – смерть. Пань призывал отказаться от атомной энергии и ископаемых энергоносителей и оставить только солнечные и небольшие гидроэлектростанции. Он верил, что можно остановить дальнейшее разрастание современных мегаполисов путем равномерного расселения их жителей по поселкам и деревням, которые сами обеспечивали бы себя всем необходимым. Ресурсосберегающие технологии, полагал он, дадут возможность построить новое аграрное общество.

– Он у себя? – спросил Пань у хозяйки дома.

Та молча преградила ему дорогу.

– Я обязан предостеречь его. И вас тоже, – проговорил Пань ледяным тоном. – Не вынуждайте нас прибегать к силе.

Шэнь обратилась к водителю такси:

– Вы можете ехать.

Машина тронулась, и дальнейшего разговора Ван не слышал, но, обернувшись, видел в заднее стекло, как Шэнь не давала визитеру войти в дом.

* * *

Ван вернулся домой за полночь. Когда он выходил из такси, рядом резко остановился черный «Фольксваген Сантана». Стекло опустилось, и из машины вырвался клуб дыма. Водительское сиденье просело под грузным телом Ши Цяна.

– Профессор Ван! Академик Ван! Как ваши дела в последние пару дней?

– Вы следите за мной? Вам что – больше нечем заняться?!

– Вы меня не так поняли. Я мог бы просто проехать мимо, но вдруг решил проявить вежливость и поздороваться. И вот ваша благодарность! – Ши надел на лицо свою фирменную кривую усмешку. – Ну что? Вынюхали что-нибудь интересненькое?

– Я сказал, что не желаю иметь с вами никаких дел. Оставьте меня в покое!

– Ладно. – Ши завел мотор. – Можно подумать, я ради бабок сверхурочно горбатился. Вот и футбол пропустил...

* * *

Ван вошел в квартиру. Жена уже спала; он слышал, как она беспокойно ворочается и что-то неразборчиво бормочет во сне. Из-за пугающего поведения мужа у нее теперь, наверно, кошмары. Ван проглотил несколько таблеток снотворного, лег в постель и после долгого ожидания наконец заснул.

Его сны были хаотичны, но один постоянно повторялся – призрачные числа, реющие в воздухе. Еще перед тем как заснуть, Ван знал, что увидит их. Так оно и случилось. Во сне он кидался на цифры как безумный, рвал их, кусал, но на них даже отметин не оставалось. Отсчет продолжался, неумолимый, неостановимый... И когда исступление Вана дошло до предела, он проснулся.

Открыв глаза, он уперся взглядом в потолок. Городские огни, пробивавшиеся сквозь занавески, ложились на него неясными бликами. Но что это? Отсчет, который Ван видел во сне, продолжался наяву! Цифры по-прежнему стояли перед его глазами, их тонкие, но яркие линии пылали белым:

1180:05:00, 1180:04:59, 1180:04:58, 1180:04:57...

Ван оглянулся вокруг, всматриваясь в темноту спальни. Он был уверен, что не спит, но отсчет – вот он, здесь. Ван закрыл глаза, но цифры никуда не делись. Они светились и переливались, будто ртуть на перьях черного лебедя. Ван открыл глаза, потер их... Числа не исчезли. Куда бы Ван ни направил взгляд, они все время оставались в центре его поля зрения.

Безымянный ужас охватил Вана. Он рывком сел. Отсчет продолжался. Ван соскочил с постели, рванул занавески, открыл окно... Ночной город играл яркими огнями. И на этом величественном фоне светились кошмарные цифры, словно субтитры на киноэкране.

Ван почувствовал, что задыхается, и испустил придушенный крик. Жена проснулась, перепугалась и засыпала его вопросами. Он попытался взять себя в руки и стал твердить ей, что это все пустяки, просто плохой сон. Улегишись обратно в постель, Ван закрыл глаза и провел остаток ночи под неусыпным свечением обратного отсчета.

Утром он попытался вести себя, как будто ничего не случилось, но жене было невозможно обмануть. Она пристала к нему с расспросами, все ли у него в порядке с глазами.

Позавтракав, Ван позвонил в институт и сказался больным, а потом отправился к врачу. Все время, пока он ехал, призрачные цифры безжалостно заслоняли собой реальный мир. Они регулировали свою яркость, так что их было хорошо видно на любом фоне. Один раз Ван даже попытался подавить их свечение другим, более ярким светом и уставился на восходящее солнце. Все без толку. Жуткие числа сменили цвет на черный и ясно обозначились на солнечном диске, словно спроецированные туда каким-то сверхъестественным киноаппаратом, отчего Ван испугался еще больше.

В больнице Тунжэнь было полно народу, но ему удалось прорваться к знаменитому офтальмологу, учившемуся вместе с его женой. Он попросил осмотреть его глаза, не называя, однако, симптомов. Внимательно обследовав оба глаза, доктор не нашел в них ни малейших отклонений.

– Я все время вижу что-то непонятное. Куда бы ни посмотрел – оно там. – Произнося эти слова, Ван отчетливо видел цифры, висящие перед лицом доктора:

1175:11:34, 1175:11:33, 1175:11:32, 1175:11:31...

– А, так ты имеешь в виду «мушки»! – Врач взял рецептурный бланк и принялся писать. – Обычное явление в нашем возрасте, результат помутнения стекловидного тела. Их трудно лечить, но угрозы зрению они не представляют. Вот тебе капли с йодом и вита-

мин D. Возможно, «мушки» пройдут, но особо не надейся. Постарайся просто не обращать внимание на эту ерунду.

– Мушки... Как они обычно выглядят?

– У них нет какой-то особой формы. У разных людей по-разному. У кого-то как маленькие черные точки, у других – как головастики...

– А могут они быть похожи на серию цифр?

Доктор перестал писать.

– Ты видишь цифры?

– Да, прямо в центре поля зрения.

Доктор положил ручку и посмотрел на Вану с сочувствием.

– Как только ты вошел, я сразу заметил, что вид у тебя утомленный. На последней встрече выпускников Ли Яо сказала, что на работе у тебя сплошной стресс. В нашем возрасте нужно быть осторожней. Здоровье уже не то, что раньше.

– Ты хочешь сказать, здесь задействованы психологические факторы?

Доктор кивнул.

– Если бы на твоём месте был кто-то другой, я бы посоветовал обратиться к психиатру. Но, думаю, ничего серьёзного, просто переутомление. Почему бы тебе не отдохнуть несколько дней? Возьми отпуск. Побудь с Яо и малышом... как его? Дуду, правильно? Никаких волнений. И все пройдет.

1175:10:02, 1175:10:01, 1175:10:00, 1175:09:59...

– Ладно, я скажу тебе, что вижу. Это обратный отсчет! Секунда за секундой, как часы. Ты хочешь сказать, что все это у меня в голове?

Доктор терпеливо улыбнулся.

– Знаешь, как сильно мозг может воздействовать на зрение? В прошлом месяце была у нас пациентка, девочка лет пятнадцати-шестнадцати. Она сидела на уроке и вдруг потеряла способность видеть. Слепла полностью. Но все тесты показали, что с точки зрения физиологии с глазами у нее все в порядке. Направили ее к психиатру; она походила месяц на психотерапию – и зрение вернулось.

Похоже, подумал Ван, я даром теряю здесь время. Он поднялся.

– Ладно, давай не будем больше о моих глазах. У меня еще один, последний вопрос: тебе неизвестен какой-нибудь физический феномен, который мог бы воздействовать на расстояния и вызывать у людей видения?

Доктор призадумался.

– Пожалуй, известен. Некоторое время назад я входил в команду медиков, работающую с космическим кораблем «Шэньчжоу-19». Некоторые тайконавты¹⁸, выходявшие в открытый космос, докладывали, что видели вспышки, которых не существовало. Астронавты Международной космической станции сообщали о похожих явлениях. Выяснилось, что в периоды усиленной солнечной активности частицы высоких энергий бомбардируют сетчатку, и тогда человек видит вспышки. Но ты говоришь о цифрах, еще точнее, об отсчете. Солнечная активность такого воздействия оказать не может.

Ван вышел из больницы как в тумане. В глазах по-прежнему стояли цифры. Ему казалось, что это он сам следует за ними, идет за призраком, и нет никакой возможности разорвать эту связь. Он купил солнцезащитные очки и надел их – может, так будет не слишком заметно, что его глаза блуждают, как у лунатика.

Перед тем как войти в главную лабораторию своего института, Ван снял очки. Коллеги, заметившие, что с ним что-то не так, провожали его озабоченными взглядами.

¹⁸ Так китайцы называют космонавтов. – Прим. перев.

Ван увидел, что главная реакторная камера в центре лаборатории запущена на полную мощность. Основная часть гигантского аппарата представляла собой сферу со множеством подсоединенных труб.

Ван и его коллеги изготовили небольшое количество нового, сверхпрочного наноматериала, которому дали кодовое название «парящее лезвие». Однако все образцы пока что были сделаны с использованием технологии молекулярного конструирования, то есть молекулы скрупулезно составили вместе с помощью нанозонда – одну за другой, словно кирпичики. Работа требовала колоссального количества времени и ресурсов, и результат всех усилий по праву можно было бы назвать самой большой в мире драгоценностью. При таком методе о массовом производстве не могло идти и речи.

В настоящее время лаборатория разрабатывала другой метод – с помощью каталитической реакции, которая заменила бы собой молекулярное конструирование; при таком подходе большое число молекул одновременно составлялись бы вместе в нужном порядке. Главная реакторная камера позволяла проводить реакции непрерывно и быстро, задействуя различные комбинации молекул. Этих комбинаций было так много, что, если бы опыты ставились вручную, не хватило бы и ста лет. Вдобавок аппарат расширял поле поиска, проводя математическое моделирование: когда реакция достигала определенной стадии, компьютер создавал модель, основанную на промежуточных продуктах, и просчитывал на ней оставшиеся реакции. Эксперимент шёл быстрее.

Увидев вошедшего Вана, начальник лаборатории поспешил к нему и затянул свою обычную песню о неполадках в главной реакторной камере. Этот ритуал повторялся каждый раз, когда бы Ван ни приходил в лабораторию. К настоящему моменту камера работала непрерывно уже целый год, многие сенсоры износились, отчего страдала точность измерений. Давно пора было заглушить машину и приступить к ремонту, но Ван, ведущий исследователь проекта, настаивал, что сначала надо произвести третью серию молекулярных комбинаций, а ремонт – потом. Техникам ничего не оставалось, как, фигурально выражаясь, наскоро латать дыры; а теперь, когда и заплатки нуждались в собственных заплатках, персонал дошел до последней степени изнеможения.

Однако начальник лаборатории не заикался о том, чтобы выключить машину и приостановить эксперимент, зная, что такая просьба приведет шефа в ярость. Он просто перечислял Вану неисправности, хотя невысказанное желание, стоявшее за этим сухим отчетом, было очевидно.

Инженеры суежились вокруг реакторной камеры, словно врачи вокруг умирающего, пытаясь продлить ему жизнь. И на фоне этой картины продолжался отчет:

1174:21:11, 1174:21:10, 1174:21:09, 1174:21:08...

«Просто остановите. Попробуйте», – говорила ему Шэнь.

– Сколько времени уйдет на замену сенсоров? – спросил Ван.

– Четыре-пять дней. – Начальник лаборатории узрел лучик надежды и быстро добавил: – Если поработать как следует, то три. Гарантирую, доктор Ван!

«Это не значит, что я сдаюсь», – внушал себе Ван. – Аппаратура требует наладки, так что эксперимент на полном основании можно приостановить. И мои проблемы тут ни при чем».

Он повернулся к начальнику и сфокусировался на его лице сквозь маячившие перед глазами цифры:

– Остановите эксперимент и выполните ремонт. Уложите в сроки, которые вы мне пообещали.

– Безусловно, доктор Ван! Я сейчас дам вам подробную распечатку, что и когда будет сделано. Мы сможем остановить реакцию уже сегодня вечером!

– Остановите ее прямо сейчас!

Начальник лаборатории ошеломленно уставился на него, но быстро пришел в себя и, словно боясь, что Ван передумает, схватил микрофон и дал команду остановить реакцию. Весь персонал заработал с удвоенным рвением. По очереди защелкали десятки переключателей – процедура остановки камеры началась. Многочисленные контрольные мониторы гасли один за другим, пока наконец на главном дисплее не высветился статус: камера заглушена.

И почти в тот же момент отсчет на сетчатке глаз Вана остановился. Прошла еще пара секунд, и последние числа – 1174:10:07 — мигнули и пропали.

Как только окружающий мир явился глазам Вана без жутких цифр, профессор испустил долгий выдох, как будто только что вынырнул из воды. Он сел, весь в поту, и только сейчас обнаружил, что все в лаборатории не сводят с него глаз.

– Ремонт занимается отдел оборудования, – обратился он к начальнику лаборатории. – Почему бы всей исследовательской группе не отдохнуть пару дней? Я ведь понимаю, что каждый работал не покладая рук.

– Доктор Ван, вы тоже устали. Главный инженер Чжан займется наладкой, а вы могли бы пойти домой. Вам ведь отдых тоже не помешает?

– Да, я очень устал, – согласился Ван.

Начальник лаборатории ушел, а Ван вынул телефон и набрал номер Шэнь Юйфэй. Та взяла трубку после первого же звонка.

– Кто или что стоит за всем этим? – обрушился на нее Ван. Он старался сохранять самообладание, но не преуспел.

Молчание.

– Что случится по окончании отсчета?

Опять молчание.

– Вы меня слушаете?!

– Да.

– Почему именно наноматериалы?! Это же не ускоритель частиц! Всего лишь прикладные исследования! Стоят ли они такого внимания?!

– Кто мы такие, чтобы решать, что стоит внимания, а что не стоит?

– Хватит! – рявкнул Ван. Страх и отчаяние, накопившиеся за последние несколько дней, перешли в неконтролируемую ярость. – Думаете одурачить меня вашими дешевыми трюками?! Пытаетесь остановить технический прогресс?! Признаю, пока я не могу объяснить, как вы это проделываете, но это только потому, что у меня еще не было возможности заглянуть за спину вашему бесстыдному фокуснику!

– Вы хотели бы увидеть отсчет в большем масштабе?

Услышав вопрос Шэнь, Ван на мгновение оторопел. Он заставил себя успокоиться. Не хватало еще попасть в их проклятую ловушку!

– Прекратите эти ваши фокусы! Что с того, что вы покажете его мне в большем масштабе? Все равно это лишь иллюзия! Вы можете спроецировать голограмму в небо, как это сделало НАТО во время последней войны. Если взять лазер достаточной мощности, можно изобразить картинку на поверхности Луны! Но ведь «стрелок» и «фермер», по предположениям, должны располагать силами, неподвластными человеку. Как насчет того, чтобы нарисовать цифры на поверхности солнца?!

Ван внезапно застыл с открытым ртом, в шоке от собственных слов. Он нечаянно назвал те две гипотезы, упоминания о которых должен был избегать как огня. Он едва не угодил в ту же западню, в которую попали другие жертвы!

Стараясь овладеть инициативой, он продолжал:

– Я не могу предвидеть ваши следующие трюки, но, может, вы и с солнцем это как-нибудь провернете, ваш презренный фокусник сможет заставить иллюзию выглядеть как реальность.

Чтобы придать вашей демонстрации больше убедительности, вам придется провернуть что-нибудь более впечатляющее!

– Вопрос в том, сумеете ли *вы* с этим справиться, – ответила Шэнь. – Ван, я ваш друг. Я хочу помочь вам избежать судьбы Ян Дун.

При упоминании этого имени Ван вздрогнул. Но тут на него накатила вторая волна ярости, отчего он потерял всякую осторожность.

– Вы принимаете мой вызов?!

– Конечно.

– И что вы предпримете?

– У вас есть компьютер с доступом к Интернету? Хорошо. Напишите адрес: <http://www.qsl.net/bg3tt/zl/mesdm.htm>. Открыли? Распечатайте это и держите всегда под рукой.

Открытая страница всего лишь содержала таблицу азбуки Морзе.

– Н-не понимаю... Это же...

– В течение следующих двух дней, пожалуйста, найдите лабораторию, где вы сможете наблюдать за реликтовым космическим излучением. Я пошлю вам детали электронным письмом.

– Но что... что вы собираетесь сделать?!

– Я знаю, что ваш проект по наноматериалу остановлен. Вы планируете вернуться к нему?

– Конечно! Через три дня.

– Тогда отсчет продолжится.

– И в каком масштабе я его увижу?

Последовало долгое молчание. Эта женщина, вещающая от имени некой силы, превосходящей человеческое разумение, перекрыла Вану все пути к отступлению.

– Через три дня... значит, четырнадцатого... Четырнадцатого числа с часу ночи до пяти утра для вас будет мерцать вся Вселенная.

Глава 7

Три тела: Царь Вэнь из дома Чжоу и долгая ночь

Ван набрал номер Дина. И лишь когда тот взял трубку, вспомнил, что уже час ночи.

– Это Ван Мяо. Простите, что звоню так поздно.

– Ничего. Мне все равно не спится.

– Я... видел кое-что и прошу у вас помощи. Вы не знаете, есть ли в Китае обсерватории, наблюдающие за реликтовым микроволновым излучением?

Вану не терпелось поговорить с кем-нибудь о том, что происходит, но он решил, что чем меньше людей будет знать об отсчете, который был виден только ему одному, тем лучше.

– Реликтовое излучение? Откуда у вас вдруг такой интерес к нему? Должно быть, вы и правда наткнулись на что-то необычное... Вы еще не виделись с матерью Ян Дун?

– Ох, простите. Забыл.

– Ничего страшного. В наше время многие ученые видят что-то... не совсем обычное, как и вы. Рассеянность – обычное явление в таких условиях. И все равно, думаю, хорошо бы вам навестить Е Вэньцзе. Она уже в годах, а дом-работницу нанимать не хочет. Если надо что-то сделать в доме, вы уж ей помогите, пожалуйста... Ах да, реликтовое излучение. Спросите Е. До того как уйти на пенсию, она была астрофизиком. Знает все обсерватории в Китае как свои пять пальцев.

– Отлично! Отправляюсь сразу после работы.

– Тогда заранее благодарю. Я сам не в состоянии встретиться лицом к лицу с кем-то, напоминающим мне о Ян Дун.

* * *

Положив трубку, Ван уселся за компьютер и распечатал таблицу кода Морзе. Он уже достаточно успокоился, чтобы думать не только об обратном отсчете, и стал размышлять о «Рубежах науки», о Шэнь Юйфэй и компьютерной игре, в которую она играла. Единственное он знал о Шэнь абсолютно точно: она не из тех, кто увлекается компьютерными играми. Сдержанная, с телеграфной манерой разговора, она всегда производила на Вана впечатление исключительно холодного человека. Это была не та холодность, которую многие люди надевают на себя как маску. У Юйфэй душа была как лед.

Ван невольно сравнивал Юйфэй с устаревшей операционной системой MS-DOS: пустой черный экран, лаконичное приглашение в консоли «C: \>», мигающий курсор и больше ничего. Когда что-то вводишь, компьютер отображает это на экране, не внося ничего своего, не меняя ни единой буквы. Однако теперь Ван знал, что за этим «C: \>» зияет бездонная пропасть.

«Неужели она и впрямь увлекается игрой? Да еще такой, для которой нужен V-костюм! Детей у нее нет, значит, она купила его для себя. Ну и ну. Что бы это значило?»

Ван ввел URL в адресную строку браузера. Легко запомнить: www.3body.net. На сайте всплыло сообщение, что доступ к игре можно получить, только если воспользоваться V-костюмом. Ван вспомнил, что в комнате отдыха при Институте нанотехнологий есть такой костюм. Он вышел из опустевшей главной лаборатории и отправился в вахтерскую за ключом. В комнате отдыха, пробравшись между бильярдными столами и тренажерами, он нашел компьютер и костюм. Втиснувшись в тактильный интерактивный комбинезон и натянув шлем с панорамным экраном, Ван включил компьютер.

Он оказался посреди пустынной предрассветной равнины. Равнина была серо-коричневого цвета, какая-то размытая, без четких деталей. Вдали, на горизонте, светлела тоненькая полоска. На небе мерцали звезды.

Раздался оглушительный взрыв, и вдалеке в землю врезались две багрово пылающие горы. Равнину залило красным светом. Когда пыль осела и небо очистилось, Ван увидел, что между небом и землей воздвиглись гигантские иероглифы: ТРИ ТЕЛА.

Затем появилось окно регистрации. Ван создал ID «Хайжэнь»¹⁹ и залогинился.

* * *

Кругом расстилалась все та же пустыня, но компрессоры в V-костюме проснулись и зажужжали. Ван почувствовал, как его прохватило холодом. Прямо перед ним возникли две идущие фигуры, чьи темные силуэты вырисовывались на фоне предрассветного неба. Ван пустился вдогонку.

Незнакомцы, двое мужчин, были одеты в длинные дырявые балахоны с накинутыми поверх грязными звериными шкурами. У каждого на боку висел короткий и широкий бронзовый меч. Один из путников нес за спиной узкий и длинный деревянный сундук. Человек оглянулся. Лицо его было таким же грязным и морщинистым, как и покрывавшая плечи шкура, но глаза, живые, острые, ярко сверкали в предутренней мгле.

– Холодно, – заметил незнакомец.

– Ужасно холодно, – ответил Ван.

– Это эпоха Сражающихся Царств, – сказал человек с ящиком на спине. – Я царь Вэнь из дома Чжоу.

– Мне кажется, царь Вэнь не имеет отношения к эпохе Сражающихся Царств²⁰, – заметил Ван.

– Он дожил до этих дней, – сказал другой путник. – И царь Чжоу из династии Шан тоже еще жив²¹. Я – Последователь царя Вэня. Таков мой логин – «Последователь царя Вэня из дома Чжоу». Ты знаешь, что он гений?

– Мой логин «Хайжэнь». А что это у вас за сундук?

Царь Вэнь спустил упомянутый предмет с плеч и поставил его вертикально. Открыв одну из боковин, словно дверь, он показал, что внутри тот разделен на пять отсеков. В слабом свете утра Ван смог разглядеть, что каждый из них содержит некоторое количество песка. Судя по всему, песок пересыпался из верхних отсеков в нижние через маленькие отверстия в перегородках.

– Это песочные часы. Через каждые восемь часов весь песок оказывается в нижнем отсеке. Три переворота сундука равняются одним суткам. Но я частенько забываю переворачивать, поэтому мне нужен Последователь, который бы напоминал об этом.

– Похоже, вы идете издалека. Это так необходимо – тащить с собой такой громоздкий прибор?

– А как еще мы тогда измеряли бы время?

– Переносные солнечные часы намного сподручнее. А вообще достаточно глянуть на солнце, чтобы приблизительно определить, который час.

¹⁹ То есть «человек моря». В имени Ван Мяо игра слов, его иероглифы могут читаться как «вода». – *Прим. К. Л.*

²⁰ Эпоха Сражающихся Царств длилась с 475 по 221 г. до н. э. Но царь Вэнь из дома Чжоу правил гораздо раньше, с 1099 года до н. э. по 1050 г. до н. э. Его считают основателем династии Чжоу, которая в результате переворота отстранила от власти тираническую династию Шан. – *Прим. К. Л.* На самом деле Вэнь царем не был, но заслуги его были велики, и народ дал ему имя Вэнь-ван, то есть царь Вэнь. По соображениям благозвучия в русском переводе оставили «царь Вэнь». – *Прим. перев.*

²¹ Царь Чжоу из династии Шан правил с 1075 по 1046 г. до н. э. Последний царь этой династии в китайской истории известен как жестокий тиран. – *Прим. К. Л.*

Царь Вэнь и Последователь переглянулись, а потом воззрились на Вана как на полного идиота.

– Солнце? Как можно определить время по солнцу?! Ведь сейчас Эра Хаоса!

Ван собрался было спросить, что означает сие странное наименование, но тут Последователь жалобно вскрикнул:

– Какой холод! Сейчас помру от переохлаждения!

Ван тоже замерз, но, как в большинстве игр, стоит снять V-костюм – и система выкинет твой ID из игры. Так что лучше потерпеть.

– Когда солнце взойдет, станет теплее, – утешил он спутников.

– Тоже мне еще пророк нашелся! – сказал Последователь. – Даже царь Вэнь не умеет предсказывать будущее. – Он презрительно покачал головой.

– При чем здесь пророк? Любой неуч скажет, что солнце встанет через час или два. – Ван ткнул пальцем в сторону светлой полосы на горизонте.

– Да ведь сейчас Эра Хаоса!

– А что такое «Эра Хаоса»?

– Эра Хаоса – это все то, что не Эра Порядка, – пояснил царь Вэнь так, словно разговаривал с неразумным дитятей.

И в самом деле, свет над горизонтом стал постепенно меркнуть и вскоре совсем погас. Мир накрыла ночь. Звезды над головой вспыхнули ярче.

– Значит, это был закат, а не рассвет? – спросил Ван.

– Сейчас утро. Но солнце не всегда поднимается по утрам. Это же Эра Хаоса.

Вану стало еще холоднее. Поежившись, он указал на темный горизонт:

– Похоже, солнце взойдет еще не скоро.

– С чего ты взял? Никто не может сказать точно. Говорю же – сейчас Эра Хаоса. – Последователь повернулся к царю. – Можно мне немного сушеной рыбы?

– Нельзя! – отрезал царь Вэнь. – Самому мало. Главное, чтобы я добрался до Чжао Гэ²², не ты!

Ван заметил, что, пока они разговаривали, на горизонте снова забрезжило. Конечно, без компаса трудно разобраться, где восток, а где запад, но он был уверен, что в прошлый раз заря была в другой стороне. Небо быстро светлело, и вскоре взошло солнце этого мира – маленькое, голубоватое, словно очень яркая Луна. Все же стало чуть теплее, а местность вокруг обрела более ясные очертания. Но день длился недолго. Солнце прочертило над горизонтом пологую дугу и закатилось. Снова воцарились ночь и промозглый холод.

Трое путников остановились у мертвого дерева. Царь Вэнь и Последователь вынули свои бронзовые мечи и принялись рубить сучья для костра, а Ван собирал их в кучку. Последователь вынул кусок кремня и чиркал им по мечу до тех пор, пока сучья не занялись от искры. Вскоре костерок согрел V-костюм Вана спереди, но спина по-прежнему мерзла.

– Давай бросим в пламя кого-нибудь из обезвоженных, – сказал Последователь. – Вот тогда у нас будет костер что надо, а не этот жалкий огонек!

– И думать не смей! Только тиран вроде царя Чжоу мог бы выкинуть такое!

– Но вдоль дороги этих сухарей хоть пруд пруди! Их так изгрызли звери, что они не оживут после регидрации. Что с того, что мы сожжем парочку-другую? Можно было б даже подкрепиться ими. Ну что такое пяток чьих-то жизней по сравнению с нашими?! Ведь самое важное – изложить царю твою теорию!

– Прекрати городить чушь! Мы ученые!

Когда костер догорел, троица продолжила путь. Поскольку они почти не разговаривали, система ускорила бег игрового времени. Царь Вэнь перевернул песочные часы у себя за спиной

²² Чжао Гэ был столицей царства Шан, в которой находился двор царя Чжоу. – Прим. К. Л.

шесть раз подряд – значит, прошло двое суток, и за все это время не только солнце ни разу не вошло, но даже намек на рассвет на горизонте не появилось.

– Похоже, солнце никогда больше не взойдет, – заметил Ван. Он вывел на экран игровое меню и взглянул на показатель своего «здоровья». Холод стоял невероятный, и полоска медленно, но верно сокращалась.

– Опять строишь из себя оракула? – поинтересовался Последователь. На этот раз они с Ваном закончили фразу вместе: – Это же Эра Хаоса!

Однако вскоре горизонт заалел, небо посветлело, и начался восход. На этот раз солнце было огромным. Взошедшая половина светила занимала как минимум одну пятую всего око-ема. Путников окатило волной тепла, и Ван оживился. Однако взглянув на царя Вэня и Последователя, он увидел на их лицах такой ужас, будто те узрели демона.

– Живей, прячемся! – воскликнул Последователь.

Они с царем побежали, Ван устремился следом. Путники укрылись за большим камнем. Тень, в которой они прятались, становилась все короче и короче. Земля вокруг начала раскаляться, словно в топке. Вечная мерзлота под ними растаяла, и твердая, как камень, поверхность превратилась в грязевое море, от жара вздыбившееся волнами. Пот лил с Вана ручьем.

Когда солнце поднялось в зенит, все трое с головой накрылись шкурами, но яростные стрелы света проникали сквозь дыры и жгли, как раскаленные прутья. Стараясь уберечься от них, странники ползли вокруг камня вместе с тенью, постепенно удлинявшейся на другой стороне.

Наконец, солнце село, но воздух оставался жарким и влажным. Путники, насквозь мокрые от пота, расселись на камне.

– Путешествовать в Эру Хаоса – все равно что идти сквозь ад, – угрюмо проговорил Последователь. – Не могу больше! К тому же я с голоду помираю. У тебя сухой рыбешки не допросишься, и есть дегидрированные тела ты мне тоже не разрешаешь. Что...

– Единственный выход – дегидрировать тебя, – оборвал его царь Вэнь, обмахиваясь уголком шкуры.

– А ты не бросишь меня здесь?

– Конечно, нет. Клянусь доставить тебя в Чжао Гэ.

Последователь стянул с себя мокрый от пота балахон и голым лег в грязь. В последних отблесках уже закатившегося за горизонт солнца Ван увидел, как из всех пор тела Последователя начала сочиться жидкость. Было件нятно, что это не пот, а вода. Влага многочисленными мелкими ручейками сбегала в грязь. Тело Последователя размягчилось и деформировалось, словно тающая свеча. Десять минут спустя вся вода ушла из него, и теперь вместо Последователя на земле лежала его пустая оболочка, формой напоминающая человека. Черты лица сгладились и стали неразличимы.

– Он умер? – спросил Ван. Он припомнил, что и раньше видел такие иссохшие фигуры, валяющиеся вдоль дороги. У одних не хватало некоторых частей тела, другие были совсем истерзаны. Наверно, это и были те самые «обезвоженные», которых Последователь хотел использовать вместо дров.

– Нет, – ответил царь Вэнь. Он подобрал Последователя, стряхнул грязь и пыль, расстелил оболочку на камне и скатал в сверток. – Стоит только погрузить его в воду, и он оживет. Это как замочить сушеные грибы.

– У него даже кости размягчились?

– Да. Скелет превратился в сухие волокна. Нести будет легко.

– В этом мире любой может дегидрировать и регидрировать?

– Конечно. Ты тоже. Иначе мы не выжили бы в Эры Хаоса. – Царь Вэнь протянул скатанного Последователя Вану. – На вот, неси. Если бросишь на дороге, его либо сожгут, либо съедят.

Оболочка была совсем легкая, и Ван сунул ее под мышку. Что интересно, ощущения странности происходящего у него не возникло.

Путники, теперь уже вдвоем, продолжили свое мучительное странствие, Ван нес дегидрированного Последователя, царь Вэнь – свои песочные часы. Как и в предыдущие дни, светило этого мира вставало и садилось без всякой системы: после долгой морозной ночи длинной в несколько суток мог промелькнуть короткий, но обжигающе знойный день, и наоборот. Чтобы выжить, путешественникам приходилось полагаться друг на друга. Если было слишком холодно, они разжигали костры; если слишком жарко – ныряли в воду.

Наконец, игровое время ускорилося. Месяц в игре занял примерно полчаса реального времени, что сделало путешествие сквозь Эру Хаоса более-менее терпимым.

Однажды после ночи, длившейся, согласно песочным часам, почти неделю, царь Вэнь неожиданно завопил от радости, указывая в темное небо:

– Летящие звезды! Две летящих звезды!

Вообще-то Ван уже видел подобные небесные тела. Их диски были больше звезд – размером с мячик для пинг-понга, и двигались они быстро, так что их перемещение было заметно невооруженным глазом. Но сейчас две таких звезды впервые летели по небу одновременно.

Царь Вэнь объяснил:

– Когда появляются две летящих звезды, это предвещает начало Эры Порядка.

– Мы видели их и раньше!

– Да, но только по одной за раз.

– А две одновременно – это предел?

– Нет. Иногда появляются три, но больше не бывает.

– А если появляются три, означает ли это, что наступает еще лучшая эра?

Царь Вэнь посмотрел на Вана со страхом:

– Ты в своем уме?! Три летящих звезды!.. Молись, чтобы такого никогда не случилось!

Как выяснилось, царь Вэнь был прав – вскоре воцарилась желанная Эра Порядка. Восходы и закаты стали регулярными, суточный цикл стабилизировался и составил около восемнадцати часов. Климат смягчился, воздух потеплел.

– Сколько продлится Эра Порядка? – спросил Ван.

– Может, день, а может, век. Никто не в силах предсказать. – Царь Вэнь сел на свой сундучок и, подняв голову, воззрился на полуденное солнце. – летописи рассказывают, что при династии Западная Чжоу одна Эра Порядка длилась двести лет. Как счастлив тот, кто родился в такое благословенное время!

– А сколько длится Эра Хаоса?

– Я ведь уже говорил: все, что не Эра Порядка, то Эра Хаоса. Каждая эра забирает себе время, не занятое другой, вот и все.

– Но... получается, в этом мире нет никакого ритма, никакой системы?!

– Именно так. Цивилизация может развиваться только в мягком климате Эр Порядка. Большую часть времени человечеству приходится проводить в состоянии дегидратации. Когда настает долгая Эра Порядка, происходит регидрация, и все разом оживают, после чего продолжают строить и созидать.

– А как вы предсказываете, когда придет и сколько будет длиться Эра Порядка?

– Да никак. Никто не может этого сделать. Когда наступает Эра Порядка, царь принимает решение о массовой регидрации, основываясь на своей интуиции. Часто бывает так, что люди оживают, засевают поля, начинают строить города... Жизнь только-только наладилась, и – бум! – Эра Порядка вдруг заканчивается. Страшный мороз и ужасающий зной уничтожают все. – Царь Вэнь наставил на Вана палец и сверкнул глазами: – Теперь тебе известна цель игры – с помощью интеллекта и интуиции проанализировать все явления природы и выявить законы, по которым движется солнце. От этого зависит выживание цивилизации.

- Судя по моим наблюдениям, здешнее солнце вообще не следует никаким законам.
- Это потому, что тебе недоступна глубинная суть этого мира.
- А тебе доступна? – скептически осведомился Ван.
- Да. Вот почему я иду в Чжао Гэ. Хочу представить царю Чжоу точный календарь.
- Но почему ты тогда не использовал этот твой календарь во время нашего странствия?
- Предсказать движение солнца можно только в Чжао Гэ, потому что это место – средоточие инь и ян. Прорицания сбываются только там!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.